

Содержание журнала «Нана» за январь 2019 г.:

Лула Куна. Бакъволу халкъан поэт а, илланча а ...

Лула Куна. Непутевый. Рассказ.

Кармин Анэ. Законы гор. Стихи.

Камила Ахматова. Мальчик с девочкой дружил. Киносценарий.

Гапур Хамидович Алиев – чеченский поэт, бард, драматург, Заслуженный работник культуры Чечено-Ингушской АССР, член Союза писателей России, Союза журналистов и Союза театральных деятелей. Википедия

Родился: 2 января 1949 г.

Умер: 16 марта 2011 г., Грозный.

Алиев Гапур

* * *

– Х1ун лóзу хьан, Нóхчийчоь, х1ун лóзу,

Бóхийна, бáгийна мóхк?

Мúьлхачу чéвнаша б1áрзйина,

Йиллина лáьмнашкахь дóхк?

– Сан лóзу къúонахий чéвнаш,

Къúонахийн дéгнаш сан лóзу,

Мог1а нисбеш х1итгийна кéшнаш,

Кхин бáха йиш йóцуш биснарш.

– Х1ун лóзу хьан, Нóхчийчоь, х1ун лóзу,

Турпала кьуонахийн мóхк?
Х1ун ду хьан ойланаш г1ейина,
Юьллийгуш а́ренца дóхк?

– Сан лóзу да́ггара дéшнаш,
Кьуонахийн нéкъаш сан лóзу,
Сан дúхьа бéллачийн хьéгарш,
Бисинчийн вóвшашца иэ1арш.

– Х1ун лóзу хьан, Нóхчийчоь, х1ун лóзу,
Къáмнашлахь ц1е яхна мóхк?
Мúлхачу бáлано хьóвзийна,
Юьллуш ю хьан бúкьт1е дóхк?

– Сан лóзу буóберийн б1áьргаш,
Зударийн б1áьрхиш сан лóзу,
Сан дúхьа бéллачийн дóьзалш,
Уьш бицбеш бáха кечбéлларш.

Соблжа-г1ала 16.12.1997 шо.

Бакъволу халкъан поэт а, илланча а ...

Лула Куна

Масех шо кхаьчна вайца Г1апур воцу (Дала гечдойла цунна), амма и х1инца а
вайна юкьахь волуш санна, цунах лаьцна къамел тасало, цуьнан байташ а йоьшу, цуьнан
иллешка а – дог лозуш – ладуг1у...

И кхелхина к1ир даьлча, Москвахь вайн журнална презентаци ян яха дийзира сан.
Иза ВДНХ-хь, цхьана йоккхачу павильонехь ян езаш яра – кхечанхьара баьхкинчу
хьешашна хьалха.

Йоккхачу г1овг1анца динамикаш чуьра локху эшарш, д1асалела тобанаш... Тхан вовшахтохар доло цхьа сахьт сов хан йиснера.

«Деллахь, – дагатесира суна, – ма самукьадаьлла лела кхузахь х1ара нах, ма – сахетарехь – к1езиг бала бу кхеран Нохчийчохь масийтта шарахь хиллачу т1амца, ас а, сан накьосташа а балхош болчу баланашца а, нохчийн къомо лайначуьнца а...»

Вайн ц1ахь, тхан редакце х1инца а схьаобхуш – Г1апур д1аваларна кадам беш – нах бара, дагт1ера чов аьттехьа а ерзаза яра...

Ас ноутбук т1ера суьрташ экрана т1е дехира.

Т1амо 1овжийна, дайина бераш, х1аллакйина г1аланаш, ярташ а, Дег1аста юхаметтайялош къахьобгуш болу бахархой...

Динамика чохь делха дуйлира Г1апуран иллеш...

Тхан презентаци йолуш – и д1айолаялале – ас тийналлин минот кхайкхира гулбелларчарна – до1а дан цхьа а (!) вайнехан стаг вацара цигахь.

(Ша-ша вог1ур ву, шаьш-шаьш тоба стамийр ю бохуш, дош делла къонахий цхьацца г1уллакхо сацийна бисира цига ца бог1уш... Бехк буьллийла дацара...).

Вай олу, поэзи сийлахь ю, и нахана, халкъана а мел оьшу, цуьнан «шовданан хих» дегнаш 1аба сатуйьисуш берш мел бу...

Г1апуран байташ, цуьнан иллеш дехар ду, вайн халкъ мел деха а, вайн Дег1аста мел лаьтта а...

Т1аккха вуй и боккъалла а бакъволу халкъан яздархо, халкъан илланча, и дийна волуш цунна и дарж ца кховдийнехь а?

Дала декъалвойла Г1апур.

Дала гечдойла цунна, цунна т1аьхьа д1адаха дезаш долчу вайна а.

Лула Куна

2009-й год: «ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК

Наверное, когда будут взвешивать на Весах сказанное нами в этом мире и то, что оно повлекло за собой, поэтическое слово Гапура, по определению, займёт место в ряду самых искренних и полновесных...

Пронзительные строки о ввергнутой в бесовские игрища нации, о разномастных шакальих сворах, раздиравших обескровленную родину... о сынах её, принявших мученическую смерть во имя и ради неё...

Поля сражений, пропитанные праведной кровью, прорастают полынью забвения, серебристыми волнами струящейся на ветру... И только пропитанные горечью строки Поэта не дадут покрыть коросте равнодушия сердца идущих за нами, болью – болью израненных душ – пронзят каждого, кто ищет Истину и открыт ей.

Надо признаться, нам доставило особую радость, когда Гапур согласился работать в редакции нашего журнала. За пять прошедших лет мы стали не просто командой единомышленников, но и людьми “одной крови”. И появление каждого нового сотрудника – настоящее событие для нашей большой семьи.

С творчеством Гапура мы начали знакомить читателей уже с первых лет издания нашего журнала и рады многочисленным доброжелательным откликам на эти публикации. Мы также горды тем обстоятельством, что наше предложение о присвоении Гапуру Алиеву звания Народного поэта Чеченской Республики было с пониманием встречено и принято к сведению Председателем Правления Союза писателей ЧР, Председателем Парламента Чеченской Республики Д.Б. Абдурахмановым.

Так что, к радости огромного числа поклонников таланта Гапура Алиева, очень скоро полку народных литераторов прибавит. Он, несомненно, достоин этого высокого звания. Может, ещё и потому, что никогда не менял своих убеждений в угоду модным веяниям, всегда оставаясь со своим настоящим читателем, ради и во имя которого он творил всегда – с народом нохчи...

... Наверное, когда будут взвешивать на Весах словеса наши, всё, что вышло из-под пера каждого из нас, пишущей братии, в земной жизни, когда начнут отделять зёрна от плевел, Поэзия Гапура ляжет на Чашу чистейшим золотом отборного зерна...

От имени редакции журнала “Нана” и от лица всех истинных поклонников творчества Гапура Алиева – Лула Куни».

Этой заметке предшествовала небольшая история...

Когда на очередном заседании правления СП (в бытность Д.Б. Абдурахманова Председателем СП мы обычно встречались в здании парламента) я озвучила предложение о присвоении Гапуру Алиеву звания народного поэта республики, то получила поддержку большинства присутствующих.

Мы вышли из здания... И тут ко мне подошел мой коллега N. Я не буду называть имен. Хотя и стоило бы, наверное. Но пусть это останется на его совести... Благо, подобное с его стороны было не в первый и не в последний раз... «Зачем ты это делаешь? Да не нужно ему «народного»... Дай ему какую-нибудь денежную премию и оставь...» В паре шагов от нас стоял еще один наш знакомый...

Я – в шоковом состоянии – не нашлась, что сказать, и распрощалась с ними.

Вечером я послала смс Гапуру. Просто написав имя интригана, я лишь спросила: «Он действительно твой родственник?» (До этого я не раз слышала от самого Гапура об их родстве.) Гапур коротко ответил: «Да». На этом наш диалог завершился.

Утром, став у порога кабинета, Гапур, улыбнувшись, сказал: «Лула, я всё знаю. Мне ваш разговор передали (и назвал имя нашего третьего с N «собеседника»)... Да, N действительно мой родственник. Ничего, всё в порядке».

Удивительно, Гапур не изменил своего отношения к обеспокоенному его «карьерным ростом» N, испугавшемуся, что ему придется потесниться на местном литературном Олимпе...

Между тем, наступила дата юбилея Гапура. На праздничном мероприятии в Министерстве культуры официально было озвучено, что Гапуру присуждают звание народного поэта.

Уже полреспублики успело поздравить любимого всеми илланча...

Но потом почему-то дело застопорилось... То ли «родственнички» постарались, то ли чем-то Гапур не подошел...

Чувство вины перед Гапуром гнетет меня до сих пор...

К чести самого Гапура, он отнесся к этому философски. Отшутился в свойственной ему манере. На мои эмоциональные «надо добиться!», «я посмотрю, выясню!» попросил ничего не предпринимать... Еще и попенял, что я без его ведома затеяла всё это...

Не любил чиновничью камарилью и бумажную волокиту.

И просить не любил и не умел.

Как и прогибаться...

Потом была история с суетой мелкого начальства вокруг его ухода на пенсию. Сейчас-то этот вопрос решается быстро и без экивоков. В то время «процесс» был мягким и поэтапным – сначала ставили перед фактом, что пенсионера следует «понизить» с руководящей должности (Гапур в то время был 1-м заместителем главреда нашего журнала) до рядового сотрудника. Впрочем, это «понижение» для любого было равносильно унижению. (Как нынешнее – личностному уничтожению...) Тем более – в нашей профессии, где возраст равнозначен опыту и мастерству.

А республика продолжала слушать его илли и зачитываться его сонетами (Гапур по праву назван родоначальником чеченского сонета). Звучала его песня «Къонахий зама» – без упоминания его авторства. Всё – как обычно...

В марте 2011-го Гапур ушел из жизни.

Это некролог, написанный мной в те дни...

«Ушел из жизни Гапур Алиев. Наш Гапур. Немногословный, ироничный... О нем тяжело говорить в прошедшем времени... Привыкнуть к оглушающей пустоте в кабинете рядом. Свыкнуться с горькой очевидностью, что уже никогда не услышишь его: «Ну, всё – я вас сегодня не люблю... Буду любить завтра с утра», – когда мы, собравшись после работы шумной толпой в кабинете, шутивно-церемонно прощались с каждым «вновь отбывающим».

Есть люди, которых вроде и не видно в общей массе – они не перетягивают внимание всех на себя, не заявляют о себе громогласно, не навязывают свое мнение... но именно они и являются цементирующей основой любого коллектива.

Наверное, он не был самым “правильным” с точки зрения нынешних новомодных моралистов и пафосных радетелей всего и вся.

Но он был НАСТОЯЩИМ. Человеком. Другом. Поэтом. Настоящим Народным Поэтом.

Прекрасный лирик, талантливый драматург, самобытный илланча... И просто – кристальной души человек. Именно таким он и останется в душе каждого, кто знал и любил его. Кто имел честь зваться его другом, его коллегой. Для кого его уход стал невозполнимой утратой и болевым шоком.

Дала гечдойла цунна».

Боль? Она остается. Как и сожаление, что не смогла помочь Поэту в том малом, что определяет удачливость его творческой судьбы: издание прижизненного сборника (когда книжные полки наводнены вновь и вновь тиражируемой макулатурой), признание его заслуг перед своим народом (звание народного поэта он заслуживал, как мало кто)...

Лула Куна

Непутевый

Они шли по пустынному тротуару мимо промерзающих на осеннем ветру деревьев, тщетно пытающихся скрыть за оголенными кронами убогий антураж спального района.

Собачка семенила впереди, то и дело оглядываясь на своего странного спутника. Мужчина, чуть сутулясь, как это обычно делают долговязые люди, шел, что-то напевая под нос, чуть поодаль.

Они встретились сегодня совершенно случайно.

Дворняжка целый день крутилась у пивной, принюхиваясь остреньким носиком к теплым волнам рыбных ароматов. Потом, ближе к сумеркам, нырнула в дверь и аккуратно присела под крайним столиком, то и дело рискуя быть зашибленной чьей-то неловкой ногой.

Двое стояли за столиком с промасленными, от бесконечных выбиваний рыбьих тушек, углами.

– Вот ты скажи, – хмельно допытывался гладко выбритый мужчина с щегольскими усиками на округлившемся лице, – что они в тебе находят? Ты же ди-и-кий... Эти патлы...

– Они слышат музыку моего сердца... – мечтательно улыбнулся долговязый.

– Снова твои шуточки, – отмахнулся первый. Вдруг, почувствовав через тонкую ткань штанины влажный холод собачьего носа, брезгливо отпрыгнул, пнув псину под столом: Пш-ш-шла, тварь!

Собака, повизгивая от боли, метнулась к выходу.

Долговязый, неожиданно грубо, толкнул собеседника: Ты что, придурок?! – и тоже понесся к выходу.

У двери, запнувшись, подслеповато огляделся, не сразу сориентировавшись в темени сыкатного вечера. Но тяжелое, с постаныванием, дыхание выдало беглянку – она молча скалила зубы, забившись в углу.

Однако ее воинственность мало заботила долговязого. Резким движением руки он выдернул ее из убежища и, обернув торчащим из кармана шарфом, сунул ее за пазуху.

Собака, посучив ножками ради приличия, затихла.

От этого большого человека шло стойкое тепло – и уже не хотелось никуда уходить...

У самого носа появился дивно пахнущий кусок таранки. Она опасливо куснула ее на весу. Потом, осмелев, ухватилась острыми зубками за рыбью тушку и нырнула с ней в свое новое убежище. Еда быстро наполнила тельце теплом, и она сыто зевнула.

– Во-от, а ты бегаешь, – большая жесткая ладонь накрыла мокрую голову псины, и собачка на пару минут забылась сном...

Лениво приоткрыв веки, она обнаружила себя в незнакомом месте. Деловито осмотрелась.

Было странно покачиваться в такт шагам этого большого человека и разглядывать мир с такой высоты.

Бесконечно тянущиеся к небу стволы деревьев теперь приблизились, расщепившись на тысячи прутиков-веток с лоскуточками засохших листьев. Фонари уже не казались большими звездами. И мир как-то сразу стал меньше и уютнее...

Она смежила веки и еще немного вздремнула, осваиваясь в новом для себя статусе...

Однако благодное состояние скоро ей надоело, и она, выкарабкавшись из теплого плена, соскочила на тротуар...

– Куда?! Вот неугомонная! – засмеялся долговязый. – Эй, дай хотя б замотаю... – и обернул ее выпавшим шарфом. – Не кашляй...

Сегодня в театр завезли стулья. Он до вечера провозился с поставщиками, то и дело отбраковывая товар. Хотя – какой там товар: привезли обычную дрянь, завалившуюся на складах...

Всё приходилось делать самому – биться за репертуар, добирать труппу, искать деньги и соображать декорации... Чиновники смотрели на него как на сумасшедшего. Какой театр? Какие спектакли? Кто вас просил? Вам надо – вы и делайте... Дурдом...

Власть на митингах предлагала потуже затянуть пояса.

Денег и продовольствия в республике не было давно...

Эйфория первых месяцев прошла.

Люди выживали, кто и как горазд.

Денег не было – да, но цензура лютовала, как никогда...

Обычное дело при экономическом коллапсе: чем тоще живот у народа, тем интереснее власти, что у него в мозгах.

Домашние давно махнули на него рукой. Сколько ни женился – всё в бобылях. Когда ни придешь – в квартире полно людей, а он тренькает на дечиг-пандуре, поет. Хотя... пел так, что слушатели забывали обо всем... И стихи писал... Из-за которых женщины влюблялись в него до одури...

Правда, потом, когда дело до обустройства семейного гнезда доходило, тоска его одолевала такая – хоть волком вой...

И они уходили – с ворохом обид, проклиная его, жалуясь на него своим новым избранникам, но по-прежнему втайне любя и жалея за эту треклятую неприкаянность...

Он привык вышагивать поздними вечерами долгие кварталы до дому. Дома, в пустоте убогой квартиры, не особо сочинялось.

Собачка вдруг неожиданно юркнула за поворот.

Он не сразу сообразил, куда делась его спутница.

Потом, резко затормозив, пошел за ней: «Э, куда тебя понесло? Шарф верни... он мне еще пригодится...»

Подобрав белеющий у протоптанной узкой дорожки шарф, он пошел дальше.

Свистнул.

Еще раз позвал.

Беглянки след простыл.

– Вот егоза... – усмехнулся он и только хотел уходить, как услышал тихое поскуливание.

«Снова куда-то влипла!» Пробрался сквозь заросли кустов. У мусорных баков стояла она и тыкалась носом в какой-то сверток.

– Ты голодна? Так пойдем домой, найдем тебе что-нибудь, – проворчал он, наклоняясь к ней. – Что ты по мусоркам лазишь?

Сверток неожиданно запищал.

Он отшатнулся... Потом приблизился, судорожно развернул...

– Аллах... Дитя...

Не соображая от спешки, прижал сверток к груди, побежал на свет... Точно – ребенок. Живой. Оглянулся... Пустынная улица. Даже голосов не слышно...

– Да кто же ты?!! Кто же тебя... Как же так!!!

И – побежал домой.

В дикой панике, боясь, что растряс ребенка, заморозил, положил его на диван, приложился щекой к носику. Холодный. Дрожащими руками развернул, начал растирать... Ребенок спал. Ножки и ручки холодненькие, но тельце теплое...

Резко вспотев, опустился рядом. Прикрыл одеялом...

В голове – гул...

Так. Ребенка не потеряли – бросили. Поздней осенью на улице??? В голове не укладывалось... Нет, мать даже искать не стоит. Всё. Дальше. Ребенку нужен уход. Я??? Что я? Он вдруг со стороны посмотрел на себя, вокруг... Стало тоскливо от сознания собственной никчемности. Рядом сопело маленькое существо, а он, седой матерый человек, ничем не был ему полезен...

Малодушно отвел взгляд от ребенка.

Что за жизнь такая дурацкая? И почему мне? И эта собачка... Черт меня дернул с ней связаться... Ну, сидела бы в своем углу и сидела... И ребенок этот...

Ребенок...

Он позволил себе посмотреть на малыша...

Тот выпростал ручонку из одеяла и сжал кулачок...

Кто-то мягкой лапой сдавил сердце – не дыхнуть...

Он медленно лег, уместившись рядом с младенцем, неловко закинув руку за голову, и прикрыл того одеялом.

Малыш за долгую ночь так ни разу не проснулся.

Мужчина каждые полчаса чутко прислушивался, улавливал еле слышное сопение – и проваливался в сон...

В окна лился предрассветный сумрак, когда ребенок, наконец, заявил о себе. ... До мужчины не сразу дошло, откуда этот тоненький жалобный плач в его комнате... Он лежал на паласе рядом с диваном, закинув на него руку.

Сообразив, резко вскочил. Посмотрел на исходящего в крике младенца... и побежал на кухню.

Полез в холодильник... Схватил кусок колбасы, кефир, зачем-то подцепил початую банку сметаны – мать из села регулярно посылала ему с братьями что-нибудь домашнее...

На полпути остановился. Бросил все на стол. Начал шарить по шкафам...

– Щас! Подожди! Я щас! – крикнув это ребенку, выскочил на лестничную площадку, начал барабанить в соседскую дверь.

– Хава! Хава, открой же!!!

Пожилая женщина приоткрыла дверь, он, резко потянув на себя, распахнул ее и заскочил в квартиру.

– Да что с тобой? Что ты кричишь, как полоумный? Что случилось?

– Дай молока. Срочно!!!

– Зачем тебе молоко? Опохмелиться решил с утра? Давай-давай... – стала она напирать на него, выталкивая его в дверь...

– Стоп! Дай сказать... Ребенок у меня. Голодный. Пойдем!

Он потащил упирающуюся тетку к себе.

Ребенок, побагровев от натуги, заходился в плаче.

– Ах ты, изверг! Как же ты у матери посмел ребенка отнять! Да покарает тебя Всевышний!

– Так!!! Потом покарает. Что с ребенком делать?

– Заур, ребенку молоко нужно....

– Я знаю. Где его достать?

– Ребенку материнское молоко нужно... Где его мать?! Куда ты ее выгнал?

– Да не выгонял я ее! Она сама его бросила!

– Ни одна мать не оставит свое дитя мужчине. Тем более – такому балбесу...

– Хава, я никого не выгонял, и мне его не бросали... Мне сейчас некогда... Ребенка покорми!!!

Через два часа Заур в сопровождении Хавы поехал с ребенком в городской Дом малютки и сдал девочку.

Хава всё подробно объяснила персоналу. Младенца зарегистрировали, определили в палату.

И они вернулись домой.

– Жаль, имя мы ей не дали... – посетовала Хава, когда они, вернувшись, сидели на ее кухоньке и, с чувством исполненного долга, пили чай с Хавиными фирменными пышками.

– А что, можно было? – встрепенулся он.

– А то! Мы... ну ты – считай, ей теперь почти как родитель...

Он хмыкнул смущенно...

– Так ты точно ее на улице нашел? Кто вас, мужчин, знает-то... греховодников...

– Я похож на подлеца?

– Ну, что ты так сразу... Я ж по-стариковски...

– Тебе можно... – улыбнулся он, поскребя в затылке. – Ты мне как тетя...

– Вот тетю и слушайся... Хотя бы иногда...

– Ладно, Хава, пойду я... Пышки – отменные...

– На, с собой возьми... Бери-бери.... Когда тебе еще такие пожарят... Эх, пропащий...

На улице он еще немного постоял, вдыхая полной грудью морозный воздух.

Почему-то было хорошо на душе, словно песню сочинил... хорошую...

Раз-другой прошелся по тротуару.

По два раза поздоровался с малознакомыми женщинами из соседнего дома...

И рванул скорым шагом к тому месту, где вчера нашел малышку.

Но место происшествия встретило его пустыми мусорными баками и абсолютной немотой. Не за что было зацепиться не то что взгляду – мысли. Всюду было натоптано. Воняло залежавшимся мусором и слежавшейся прелой листвой.

Просмотрел кусты, через которые пробирался к бакам вечером, – они так же торчали из земли редкими прутьями...

Словно ничего и не случилось...

Какая-то то ли полоумная, то ли мразь бросила малютку умирать на морозе, а миру и дела нет...

Нет. Скорее, полоумная... Не может человек так... Хотя...

Вспомнил причитания Хавы, ее долгие проклятия в адрес этой женщины... И решил забыть обо всем.

На работе был по-особому приветлив со всеми. Долго тряс руку осветителю, хвалил за удачную постановку света. Вечно заикающемуся на сцене молодому актеру, вместо привычного передразнивания «бе-бе-бе!», вскочив на сцену, показал, как все-таки раскрыть грудную клетку, чтобы не зажиматься на аудитории.

И вообще, день прошел классно.

Он жил ожиданием вечера...

На обеде подошел к молоденькому помрежу Зине и попросил:

– Ты можешь тут... по списку... купить нужно...

Она, похлопав подкрученными ресницами, скользнув по записке, согласилась без вопросов.

К пяти он был готов. Выслушав утром причитания Хавы, он накидал примерный список необходимых вещей для ребенка – «приданое», как выражалась та.

Теперь он чувствовал себя кем-то вроде опекуна ребенка и решил продолжить эту приятную для себя миссию.

Вошел в здание приюта. Прошел к регистратуре.

Там сидела новенькая.

– Мне тут... Короче, мы вчера привозили ребенка...

Девушка недоуменно подняла на него глаза.

– Нашли... я нашел... его на улице.

– А-а! – заулыбалась та. – Я слышала. Подождите. Сейчас позову.

Он, все еще улыбаясь, начал прохаживаться по коридору.

Посмотрел краем глаза на себя в зеркало в вестибюле. Вспомнил, как восхищенно смотрели на него вчера молоденькие медсестры – хмыкнул довольно, приосанился...

За дверями палат слышны были детские голоса... плач...

Из соседнего кабинета вышла вчерашняя докторша:

– А, это Вы... Проходите... – приглашающе приоткрыла дверь.

– Спасибо... Я тут, собственно, к ребенку. Проведать. Хм! Мне бы посмотреть...

– А что его смотреть? Спит... Ребенок спокойный. Не тревожьтесь так.

– Я бы все-таки хотел...

– Покажем мы Вам малютку. Попозже...

Из-за двери в глубине коридора слышался тоненький плач... Заур насторожился...

– Там с ними есть кто-нибудь?..

– ?

– Ну, из персонала?

– Да не беспокойтесь Вы. Дети под строгим присмотром...

Но он уже шел на голос...

– Она там... она там одна???

– Ну, они все лежат в отдельных кроватках. Это порядок... Куда Вы?!

Он резко распахнул дверь.

В дальнем углу в кроватке – на голом матрасике – плакала она. Подошел. Она уже тихо похрипывала...

Под попкой расплзлось темное влажное пятно.

Тронул ладонью мокрый матрас:

– Холодный... Так она уже давно мокрая...

Он, страшно вращая глазами, вплотную подступил к стоящей у двери заведующей. Не соображая ничего, в бешенстве, поднес к ее лицу огромную растопыренную ладонь... Пересилив себя, опустил руку и снова рванул к ребенку.

Женщина запоздало завизжала.

– Молчать! – рявкнул он в бешенстве. – Молчать, падлы! А-а-а!!! – он еще раз потряс над головой растопыренной пятерней, потом обреченно махнув, резко начал пеленать ребенка.

Женщина, придя в себя, обрела голос:

– Что Вы себе позволяете? Хам!!! Оставьте ребенка!!!

Но увидев его взгляд, притихла...

Прохожие на улице удивленно оборачивались на высокого нескладного чеченца в летах, нежно прижимающего к груди ребенка в одеяльце – для города это было странное зрелище.

... Старая Хумидат лежала в кровати, прислушиваясь к шорохам в соседней комнате. Братья битый час молчали – каждый в своем углу. До этого был долгий тяжелый разговор.

Она не вмешивалась, хотя они ждали от нее решения – последнее слово, как уже повелось за долгие годы со времен их сиротского детства, оставалось за матерью.

Весть о подкидыше в село принесла Себила – старая вертихвостка с Бароновки. Сколько ее помнит Хумидат, она такой и была – черная, вертлявая, с вечно бегающими – в поисках очередной добычи – глазками. Правда, с возрастом «добыча» только шарахалась от нее, но это мало повлияло на ее самооценку.

Как она узнала о приеме Заура, жившего в другом конце города, оставалось тайной.

Но в один из синих ранних вечеров всплыла она в дом не жалующей ее Хумидат и заворковала:

– Вечер добрый, сестра. Гостей принимаешь?

– Сестра моя – давно – в лучшем из миров. А гостей мы не звали...

– Нельзя быть такой грубой, Хумидат... Что люди о тебе скажут?

– Да уж получше, чем о некоторых...

– Вот ты всегда такая грубая... Нельзя быть такой...

– А ты мне никак назидания читать пришла...

– А! Тебе читай-не читай – как была деревенщиной, так и осталась ею.

– Ну, уж лучше, чем такой «городской», – смерила ее взглядом Хумидат, отметив про себя и яркий лак на пальцах товарки, и фиолетовый окрас выглядывающих из-под косынки волос.

– Так ведь, дорогая моя, земля на одном месте не стоит...

– И что?

– Вчера ты при всех на меня плевала... Теперь – моя очередь отплеываться...

Когда младший сын пришел поздним вечером домой, она встретила его, сидя на поднаре под навесом...

Рано утром он поехал в город.

Хумидат не поверила Зауру.

При его взбалмошности и цыганской жизни с ним могло бы произойти еще и не то...

Нашел на свалке...

Хоть бы поумнее придумал... Как же!.. Живую душу... Ни одна мать не сделает такого... Костями ляжет, но ребенку – даже умирая – условия создаст...

Нет. Темнит Заур...

Связался, греховодник, с одной из «себил»...

То-то та сорокой на хвосте весть эту принесла...

Аллах! Стыд-то какой!..

Она вышла во двор.

Торкнулась в дверь дома младшего сына.

Сноха тут же открыла.

Постояли вместе над спящей малышкой.

– Как думаешь?.. – спросила молодую.

– Мама, а может вправду Хаза К1ант нашел ребенка?

Старушка благодарно посмотрела на невестку. Но грозно предупредила:

– Никаких «свалок». Скорее всего, ее в этом его театре и подкинули. Это он врет, чтобы мы на его тамошних женщин не подумали... Или у него помутнение было...

– Да, Мама.

– Не нужно ребенку судьбу свалкой пачкать... Ангел же... Как можно...

Старушка, сгорбившись, пошла к двери. У порога тихо спросила:

– Санет, сможем поднять ребенка?

Невестка залилась серебристым смешком:

– Конечно, Мама! Дети – только в радость...

– Дорогая, прости, что так вышло... У тебя своих – трое... Но он – такой непутевый!.. Куда ему ребенка воспитывать. Сам – ребенок... Старый...

Невестка молча подошла к Хумидат и тихо обняла ее.

– ... Как отдать?! Вы – в своем уме?! Никому я ребенка не отдам! Пусть хоть десять Санет!..

Заур еще долго бушевал.

Но все тихо разошлись по своим комнатам, оставив его один на один со своими мыслями...

Хумидат долго не могла заснуть...

Во дворе слышно было, как вышагивает Заур.

В доме напротив погас свет в окнах...

Она забылась легким сном.

... Зеленый простор...

Она стоит у самого подножия холма.

По склону поднимается Заур с ребенком на руках.

К небу.

И тонет в свете...

Она очнулась. Села на кровати...

Потом совершила намаз. Вышла во двор.

Заур сидел на корточках под навесом, молча глядя на кромку зари.

– Не спал?

– Не хотелось.

– Как дочку назовешь?

– Кариной*... Не дочка она мне... Говорил же...

– Уже дочка. Раз решил растить ее...

– Не будешь больше ругаться?

– А ты и слушаешь...

– Ну!..

– ...

– Ма...

– Почему я так решила?

– Ну...

– Не все тебе и нужно знать, сынок...

– Ты веришь мне?

– Да конечно верю... Стал бы ты с родным ребенком на руках в родительский дом заходить... Я ж тебя воспитывала...

– А что так долго выпытывала: откуда, как, с чего?..

– Мать я. Положено мне сомневаться и проверять. Уж лучше я, чем чужие.

– Так, вроде, не ребенок давно...

– А эти слова вспомнишь, когда дочка вырастет. Эх, сынок... Непутевый ты у меня... А может, это и к лучшему... Как знать...

Он шел к воротам с ребенком.

Окликнула:

– В следующий раз мне на глаза с ребенком на руках не показывайся... Пусть другие заносят девочку**.

Понял. Сверкнул благодарно улыбкой.

У нее ворохнулось что-то в сердце.

Притушила боль, приложив ладонь к груди...

* – по аналогии с чеченским словом “карийна” – “нашел”; соответственно, Карина – “найденная”.

** – у чеченцев не принято брать на руки своего ребенка при старших родственниках.

Карэн Иоанесов родился 5 июля 1968 года в г. Баку. По окончании средней школы работал на киностудии Азербайджанфильм помощником и ассистентом режиссера в фильмах: «Низами», «Не бойся, я с тобой».

В 1990 году окончил ГИТИС им. Луначарского, режиссерский факультет с отличием. Работал в московском театре "Музыкальный Современник", как режиссер-постановщик, актер и продюсер. Объездил со спектаклями Францию, Израиль, Египет, Швейцарию, Германию.

Карэн Иоанесов – автор стихов, рассказов и поэтических сценариев. Является руководителем целого ряда коммерческих и промоутерских бизнес-структур, занимающихся культурными и спортивными федеральными мероприятиями.

В настоящее время продолжает коммерческую и творческую деятельность, занимается региональными культурно-массовыми проектами.

Кармин Анэ

Законы гор

Адаты

Есть много тайн в законах гор,
Одна из тайн святых – Адаты,
Нарушить их – большой позор,
Не поддающийся уплаты.

И это тайна – как обряд,
Той жизни – что дана вайнаху,
И неразрывности уклад –
Во всем быть преданным Аллаху.

И невозможно объяснить
Адатов непреложность сводов,
Чеченцем можно только быть,
Отдавши сердце за Свободу.

И если связь времен сильна
И чтимы горские традиции,
То для чеченца – Честь важна,
Чтоб за нее он мог сразиться.

И здесь Адаты – как закон,
Как нить – с ушедшими отцами,
И только тот вайнах силен,
Кто верит в эту связь с веками....

Добро и Зло не в людях...

Добро и Зло не в людях – в их поступках,
Определяющих превратности Судьбы,
И в порожденных слабостью уступках,
Своею Совестью – осужденной вражды.

И нет старанья выше в этой жизни –
Аллахом охранить себя,
И в побежденном Верой прагматизме,
Найти всему источник Бытия.

Отринуть алчность, гнев и лицемерье
И лжи темнеющий покров,
И в суете людской – безверья,
Не замечать обидных слов.

Аллах – в божественной Вселенной,
В нерасторжимости Добра.
Несоразмерен жизни брэнной,
В которой нет Любви тепла.

И все рожденное подвластно
Тому, что создано Творцом,
И чудотворно, и прекрасно,
Необъяснимости концом.

И в таинстве перерожденья
Есть для души земной итог,
Что Человек в своих стремленьях
Достиг и совершить не смог....

Кавказ, Чечня...

...Кавказ!.. Чечня!.. Земля абреков,
Имамов, горцев и крестьян,
Как много раз года успехов
Тонули в крови твоих ран.

Как много раз ты защищалась,
От вероломности врагов,
И как могла – ты не сдавалась,
Во имя дедов и отцов.

И матери земли чеченской,
Тобой укрыли сыновей,
И слезы боли возрождали
Тебя – среди дыма и огней.

А горы – неприступной статью,
В тропинках белоснежных вен –
Тебя хранили – древней ратью –
От посягательств и измен.

Ведь грозный дух чеченской крови –
Подобно горному орлу –
Сопrotивляется неволе,
Извне навязанному злу.

И тем храбры сердца героев,

Рожденных этою землей,
Что умирают они – стоя,
С поднятой гордо головой!..

Черноокая Горянка

Черноокая Горянка!..
Ты прекрасна, как газель,
И нет лучшего подарка,
Чем назвать тебя своей.

Защитить кавказской буркой,
От ветров и от невзгод,
И в горах – тропинкой юркой,
Ждать в свиданиях восход.

Черноокая горянка!..
Неприступна – как звезда,
И манят – в томлении жарком,
Твои черные глаза.

На коне – клинку подобный,
Пред горянкой проскачу,
В красоту ее влюбленный,
Ее имя прошепчу.

Гроздью сладкой винограда,
Угощу в истоме дня,
И вечерняя прохлада,
Ожиданьем ждет меня.

В серебристых скалах снежных,
Родниками утолюсь,
В притяжениях безбрежных,
О Всевышнем помолюсь!

Чтоб моей родной ты стала,
Пред Аллахом и Судьбой,
И чтоб сердце не вмещало,
Счастья, данного тобой...

Камила Ахматова

Родилась в январе 1986 года в городе Грозный, в первый класс пошла в родном селе Старые Атаги, после первого класса началась война, во второй не ходила, через год пошла в третий класс в Грозном в 41 гимназию, из-за военных действий часто пропускали уроки, спустя полтора года с семьёй переехали в Сочи, в Лазаревский район, мама отдала сразу в пятый класс и там окончила школу, поступила в Адыгейский Гос Университет филиал в г Сочи на экономический факультет очно, на третьем курсе поступила ещё и на юридический заочно-экстерном, имею два высших образования.

Я большой киноман, всегда хотелось в главных ролях сыграть в каком-нибудь фильме. И смотря на жизнь обычных людей, которая порой напоминает бестселлер, решила написать свой сценарий, многие моменты в котором основаны на реальных событиях.

Помогла мне в реализации этой идеи моя любимая учительница Емелина Татьяна Николаевна. Мы с Татьяной Николаевной не профи в этом деле, сценарий наш больше любительский, такой как мы его видим.

Может быть, когда-нибудь исполнится моя мечта и по нему снимут фильм...

Название: Мальчик с девочкой дружил.

Авторы: Емелина Татьяна Николаевна и Сутаева Малхазни Айндиевна.

Тел.8-928-445-11-58

(Любительский сценарий, основанный на реальных событиях.)

Мальчик с девочкой дружил

(синопсис к сценарию)

В основе сценария – история детской дружбы чеченских подростков, мальчика Муслима и девочки Мадины. Дружбы, переросшей в любовь. Она началась задолго до военного конфликта в Чечне. Дети вместе танцевали в известном детском хореографическом коллективе «Вайнах». И были партнёрами по танцам. Оба росли в благополучных чеченских семьях, учились в советской школе, жили по соседству.

Завязка событий происходит в день штурма Грозного, когда во время уроков снаряды рвутся у школы, взрывной волной выбиты стёкла, детей отправляют в убежище, и среди общего смятения и страха юноша-десятиклассник объясняется в любви своей 11-летней подружке, обещая ей всегда её помнить и любить, что бы их ни ожидало в будущем. Девочка дарит мальчику колечко, что по национальным традициям означает её согласие стать его женой в будущем и ждать его, что бы ни случилось.

Следующие три дня стали настоящим адом для жителей города. Мадина росла в многодетной семье и была средней дочерью. Сначала семья Мадины спасалась от обстрелов в подвале жилого дома, без еды и почти без воды. Отец решает уходить из города и с большим риском под обстрелом пешком выводит ребятишек из осаждённого города. Наступают дни разлуки с Муслимом.

В те дни, когда началась война, мама Мадины находилась в Москве и, случайно, услышав о начале штурма Грозного, бросилась в аэропорт в надежде вылететь в Чечню. Она с трудом разыскала свою семью в пригороде Грозного. И родители, спасая детей, уезжают сначала в Дагестан, а затем в Россию, обосновавшись там навсегда.

Муслим также, вместе с отцом и матерью, отправляется в пригород Грозного, где после так называемой «зачистки» села попадает под арест и следствие. Юноша на себе испытал цинизм и жестокость представителей закона. Разъяренные прочитанной статьей о пытках в чеченском плену, они истязают задержанных чеченцев. Муслим был избит и

получил тяжёлое ранение позвоночника. Родные потеряли с ним связь и несколько лет считали его погибшим.

Семья Мадина долго скиталась по родственникам в Дагестане и Чечне, а когда наконец остановилась в одном из южных городов России, пришлось начинать жизнь на новом месте с нуля. Несмотря на психологические трудности, с которыми столкнулись дети в чуждой для них среде, на некоторую враждебность к ним со стороны русских подростков, отец терпеливо разъяснял своим ребятам, что их сверстники в России знают мало настоящей правды о чеченском народе, т. к. пользуются только той информацией, которую могут получить на российском ТВ. Отец убеждает детей не замыкаться в своих обидах, а идти к людям с открытой душой, показывать всё хорошее, что есть в них, и тогда новые знакомые подружатся с ними.

В центре внимания – история Мадина, которая не сразу была принята одноклассниками. В фильме рассказывается, как она овладевала русской речью, знакомилась с русской культурой, вновь увлеклась танцами в новом русском коллективе. Она частенько вспоминает Муслима. Ряд эпизодов показывают Мадина как честного, принципиального человека, доброго и порядочного. Даже мальчишки-хулиганы прониклись к ней уважением. Мадина убеждается, что простые русские люди не враги чеченцам, для них война тоже страшное явление. Многие из них добры и уважительны по отношению к другим народам.

По соседству с их семьей живет русская женщина Вера Николаевна, которая всем сердцем полюбила ребятшек и часто совершенно бескорыстно помогала им в школьных занятиях. Один раз ей случилось спасти младшенькую девочку во время серьезной болезни. Эту женщину всей душой полюбили в семье Мадина.

Как-то класс Мадина идет на коллективный просмотр фильма Алексея Балабанова «Война». Во время фильма дети вспоминают о том, что среди них чеченка, и беспардонно ее разглядывают. Мадина, взволнованная тем, что в фильме искажены образы чеченцев, тем, что она оказалась единственным представителем оболганного народа, выбегает из зала. Многие дети, понимая ее обиду, выходят за нею, чтобы поддержать подругу.

Возвратившись домой, она по привычке идет к Вере Николаевне поделиться пережитым. И там узнает, что единственный сын соседки – врач был казнен в Чечне, когда оказался в чеченском плену. Мать долго искала сына, чтобы предать его тело земле по христианским обычаям. Эта история потрясает девочку, она удивлена тем, как соседка, пережившая подобное, может с такой любовью относиться к чеченской семье. Она пытается утешить Веру Николаевну и слышит от нее одну из библейских заповедей: не копить обиды на врагов своих, прощать и любить их. Мадина с радостью рассказывает, что и в той вере, которую исповедуют чеченцы, это одно из самых важных правил в отношениях между людьми. Девочка и старушка, взволнованные и потрясенные, молча плачут, обнявшись.

Одна из важных сцен фильма – спор Мадина с кузеном, который в этой войне потерял всю семью и теперь ненавидит русских. Он разгневан тем, что Мадина танцует в русском ансамбле. Девушка страстно спорит с ним, доказывая, что простые русские люди не враги чеченцам, многие из них сами пострадали от этой войны. Чтобы убедить брата, она знакомит его с Верой Николаевной.

К Мадине многие приходят свататься, но девушка помнит только о Муслиме и надеется на встречу с ним.

Контртеррористическая операция в Чечне закончена, Грозный начинает восстанавливаться. Родители Мадины, оказавшись в Грозном, встречают маму Муслима и от нее узнают, что юношу нашли после тяжелого ранения, долго лечили и теперь он инвалид в коляске.

Однажды во время танцевального конкурса Мадина со сцены видит Муслима в коляске, их взгляды встречаются, и Мадина, освободившись, пытается его догнать. Но парень, узнав Мадину, быстро уезжает из зала. Девушка в недоумении и в отчаянии.

Спустя несколько дней Мадина с сестрой идет на семинар независимых предпринимателей известной торговой фирмы. Там девушки с изумлением слушают выступление Муслима, и из него узнают, что молодой человек преуспел в этом бизнесе, несмотря на свое положение. Мадина узнает характер любимого, который умеет достигать намеченной цели, и гордится им. После семинара происходит встреча молодых людей, однако долгожданное событие не приносит Мадине счастья. Муслим явно не желает восстанавливать отношения с девушкой. Он не верит в то, что имеет право на ее любовь. Он убежден, что инвалид ей не нужен.

Несмотря на настойчивые попытки Мадины поговорить с Муслимом, он уходит от разговора. Мадина страдает, ей кажется, что ею пренебрегают. Она не хочет быть назойливой, она почти оскорблена. Но однажды случайно замечает на его мизинце свое колечко и понимает, что Муслим ее по-прежнему любит. Девушка добивается того, что Муслим прямо ей говорит, что он не имеет права на ее любовь, так как, будучи инвалидом, не сможет сделать ее счастливой. Но любовь помогает Мадине растопить его сердце и поверить в ее искреннее желание быть вместе.

Фильм заканчивается сценой их встречи в весеннем парке, которая наполнена ожиданием счастья.

Таким образом, главная мысль фильма, его основной нерв – протест против войны, призыв к взаимному уважению народов. Зритель должен выйти из зала со светлым чувством надежды на победу добра и любви.

Эпиграф к фильму:

...для меня вообще есть

только две национальности:

хорошие люди и плохие люди.

Разговор на кухне.

Воспоминания героини 1. На столе лежит красивая тетрадь, в твёрдом переплете с тиснением и металлическим обрамлением.

Ее берут мужские руки, но самого героя не видно, только его спина.

– Все хочу у тебя спросить, что это??

– Мой дневник, – улыбается девушка.

– Дневник? Ты ведешь дневник?

– Вела, эту тетрадь мне подарил дедушка, он ее из Германии привез, это для меня главная память о нем.

– И когда ты начала вести дневник? Странно, ты мне даже не рассказывала о нем.

– Я начала делать записи рано, лет пять мне было, как только научилась писать. Я там каждый день что-то царапала. Мне было так интересно, я сама себе казалась большой и важной. Тогда я, конечно, не понимала, как пригодится мне эта тетрадь в жизни. Когда война началась, и вообще все это обвалилось, этот дневник меня просто спасал. Мне казалось, что это не я пишу, что это кто-то объясняет мне, что происходит. Если бы знал дедушка, что я буду в этой тетради писать о войне, голоде, о том, что близкие и родные люди исчезают, погибают, о несправедливости, обо всём, с чем нам пришлось столкнуться.

– Интересно, – мужчина заинтригован, – может, расскажешь, что там написано?

– Тебе это действительно интересно?

– Очень!

– Ну, если интересно, слушай...

Первая большая запись о том, как мы с дедушкой ходили на концерт 9 мая.

Эпизод №1

Дед, весь в орденах, ветеран ВОВ, ведёт за руку девочку-дошкольницу. Девочка идёт вприпрыжку, она счастлива. Дедушку все приветствуют, он вежливо и церемонно раскланивается со встречаемыми. Входят в красивое здание городского Дома культуры. На сцене – выступление ансамбля «Вайнах». Восхищённое лицо девочки, она не отрываясь смотрит на сцену, горячо аплодирует.

Воспоминания героини 2.

– Когда я вживую увидела танцы ансамбля «Вайнах», я так была очарована ими, я поняла, что хочу заниматься танцами, и надевать эти красивые костюмы, и танцевать, как они, и раскланиваться, и чтобы зал мне аплодировал. И вот после этого концерта дедушка и привёл меня в ансамбль. И началась моя танцевальная судьба.

– О-о, ты занималась танцами? – смеется парень, – и у тебя получалось?? – опять смеется?

– Да, получалось! – гордо подняв голову, отвечает девушка, – между прочим, я всегда солировала!

Хроника 1. Камера снимает концертные выступления ансамбля, где героиня танцует в пятилетнем возрасте, затем в семь, десять и двенадцать лет, везде солирует с Муслимом.

Воспоминания героини 3. Девушка перелистывает дневник

– Мы вообще хорошо жили. Я помню, как у меня младший братик появился, потом ещё сестрёнка. Крохотная такая была, я так любила её купать с мамой!

А потом, перед самой войной, мама собралась ехать в Москву, навестить своего брата, обещала привести все, что мы хотим. Ой! Помню: мы с сестрами составили целый список подарков. Девушка рассказывает и улыбается.

Хроника 2 Показывается, как собирают маму в дорогу, как ее провожают. Мирную жизнь в Чечне (ясное небо, фонтаны, улыбающиеся лица).

– Знаешь, потом наступили какие-то странные дни, пасмурные что ли. Какое-то зловещее ожидание всех терзало. Все готовились к беде.

Эпизод №2 – В кадрах – испуганные люди, повсюду: в автобусах, троллейбусах, на почте, вокзале – везде в общественных местах слышатся разговоры:

Пожилая женщина разговаривает с соседкой по очереди. Долетает обрывок фразы:

– ... в Грозный, возможно, будут войска вводиться.

У дома стоят двое молодых людей:

– Слышал, как москвичи бахвалятся: двух полков и двух дней достаточно, чтобы Чечню сквозь пройти?

– Да, пройдут они, как же!

Женщина в квартире соседки:

– Малика, плохо, говорят, дело. Как бы войны не было. Я за тушенкой иду, да соли надо купить.

Молодая соседка отвечает:

– Да не паникуйте вы, с чего бы это?

Воспоминания героини 3.

– О это был ужасный день, честно, было очень страшно, даже вспоминать не хочется

– Ну хочешь, можешь не рассказывать, я не хочу, чтоб ты переживала.

– Не, все нормально, я расскажу, это был, конечно, страшный день, но и очень важный для меня, для будущего...Мы сидели на уроке...

Эпизод № 3

Идет урок английского языка в 5 классе. Дети хором повторяют:

Good night, mother.

Good night, father.

Слышится непонятный гул, то ли самолётов, то ли танков, потом доносятся звуки выстрелов, ученики замолкают, растерянно оглядываются, не поймут, что происходит, вопросительно смотрят на учительницу и друг на друга. Вдруг рядом со школой раздается взрыв, стекла разбиваются и осколки падают на парты.

Дети в панике шарахаются к противоположной стене, кто-то прячется под партами, укрывая головы руками, девочка с первой парты хватается за ноги учительницы и не может отпустить, учительница в смятении, идёт к двери, выглядывает в коридор, хочет выйти, но детский вопль её останавливает:

– Анна Сергеевна?! Вы куда? – учительница спохватилась: нельзя оставить детей.

– Тише, ребята, без паники. Сейчас нам всё скажут.

По всей школе раздается звонок, который повторяется трижды. Слышится голос:

– Всем спускаться в спортзал. Открывается дверь, и завуч говорит:

– Анна Сергеевна, выводите детей вниз, в спортзал.

Раздается еще один взрыв, дети бегут к двери. Анна Сергеевна:

– Спокойно, дети, не толкайтесь, все успеем.

Еще один взрыв. Девочки начинают плакать, дети бегут вниз по лестнице.

На первом этаже Мадина видит старших сестер, подбегает к ним, девочки успокаивают друг друга, спускаются в подвал.

Муслим бежит по этажам, ищет Мадину, спрашивает у нескольких человек

– А где 5 «А» класс? Они уже ушли? Не знаете?

Подбегает к другим:

– Вы не знаете, пятый класс где? Их тоже вниз отправили??

Спускается в спортзал, бежит к пятиклассникам, пробирается между ними, обращается:

– А Мадина где? Где Мадина, не знаешь?

Увидев Мадину, с облегчением вздыхает, подбегает к ней

– Мадина, можно тебя?

Мадина медленно поворачивается, подходит к нему.

– Как ты? Не поранилась?

– Мне страшно, не пойму, что такое? Неужели эти слухи о войне все-таки правда?

– Все будет хорошо, все обойдется – юноша пытается успокоить девочку.

– Это война? Да? Война? Да? Так война начинается? Разве по школе можно стрелять? НЕ хочу! Не хочу всего этого ужаса! – вытирает слезы.

– Мадина, знаю, что я сейчас не к месту говорю, но мне надо с тобой очень серьезно поговорить

– Что случилось? – не понимает девочка

– Ничего не случилось, – он медлит, подбирает слова, – Понимаешь, я хотел...

Голос учительницы:

– Пятый «А», сюда соберитесь! Зовите наших...

Голоса девочек:

– Мадина! Мадина!

– Ну, говори, говори! Слышишь, это меня зовут. Ладно, потом скажешь, я, наверное, пойду...

– Подожди, Мадина, я хотел тебе сказать... не знаю, как и что завтра, но я хочу, чтобы ты понимала: ты для меня как сестра. Ой, нет, что я говорю... Я должен был бы не сейчас заводить об этом разговор, а позже. Но видишь, что делается. Ждать не могу.

Мадина молча слушает, отмахивается от девочек, ждет. Наконец, он решает:

– Мадина, ты поймешь? Ты все серьезно поймешь? В общем, это... я люблю тебя, я очень люблю тебя, и я боюсь расставаться. Мы должны договориться, мы должны пообещать друг другу... обещаю тебе, что ты за меня выйдешь, что ждать будешь.

– Муслим, ты ведь сам сказал: «Не знаю, как и что завтра будет»... Я так не могу, извини – собирается уходить.

– Что бы ни случилось завтра, послезавтра, хочу, чтобы ты знала, я буду любить только тебя. А ты? Ты будешь меня ждать? Ты как? Скажи! Ты... я могу?.. Ты обещаешь?

– Я буду... я буду ждать!

От волнения девочка крутит колечко на пальце и вдруг, догадавшись, спешит его снять с пальца, протягивает Муслиму и убегает.

Муслим прижимает кольцо к сердцу и кричит вслед Мадине:

– Обещаю: мы будем самыми счастливыми!

Подбрасывает вверх колечко, но когда ловит его, оно выскальзывает из рук и катится по коридору. Мальчик бежит вслед и на какое-то мгновение выпускает его из вида,

останавливается, растерянно оглядывает всё под ногами, неловко топчется. Наконец, он находит глазами колечко, поднимает, надевает его на безымянный палец и убегает.

Воспоминания героини 4.

– Знаешь, а я ему поверила, поверила всем сердцем... Может, потому, что это был такой день. Но, что было дальше... Муслим помог нам с сёстрами, мы кое-как добрались до дома, все было, как в боевиках, такой страх! Такой ужас!

Эпизод №4

Первая ночь после обстрела школы. Город, плохо освещенные улицы, одинокие прохожие. Тишина. Вдруг рядом – разрыв снаряда. Вдали одинокая фигура прохожего, он приседает, укрывается руками в панике, потом вскакивает и бежит на другую сторону. Еще разрывы – ближе, дальше, вой сигнализации из разных машин.

Квартира наших героев.

Тетя вскакивает, бежит в комнату, будит детей в темноте, дети сбиваются в кучу, читают молитвы, закрыв лица ладонями. Вокруг звуки взрывов, вспышки. Во всем доме переполох, по лестничным пролетам спускаются вниз в подвал с детьми, укутанными чем попало.

Сцена в квартире. Отец помогает одеться детям, торопит всех, открывает дверь:

– Скорей, скорей! К старшей дочери:

– Карина, держись, девочка. Я останусь. – Смотри: весь дом бежит– там ведь места нет, береги младших.

Вторая дочь, Имана, слышит их разговор

– Папа! Ты что? Ты где? Ты идешь? Почему, папа?

Отец:

– Спускайся! Торопись! Иди!

Дочь:

– Нет, я не пойду без тебя! Пожалуйста! Нет, нет! Я остаюсь с тобой!

Близкий звук взрыва, отец втягивает дочь в квартиру, дверь захлопывается.

Дети плачут, Карина с тетей их торопит.

Двор – Дети бегом направляются из подъездов в подвал, пугливо озираются. Солдаты торопят их, взрывы и вой сирен машин.

Квартира:

Отец заканчивает намаз, все успокаивается после близкого сильного удара. Зовет:

– Имана! – прислушивается, ответа нет. Громче:

– Имана! Имана!

Бежит в соседнюю комнату, открывает дверь в ванную, зовет дочь, распахивает дверь – видит фигурку девочки, делающую намаз, с облегчением вздыхает:

– О Господи, я испугался.

Девочка встает с колен.

– Да, папа! Я намаз делала.

Подходит к нему, прижимается, обхватив его руками. Отец с силой сжимает плечики дочери, облегченно вздыхает:

– Слава Богу! Слава Аллаху!

Спустя несколько минут.

– Давай, Имана, некогда бояться. Надо собрать документы. Здесь оставаться нельзя больше, надо уходить. О вещах для детей подумай.

Камера дает крупным планом ковер на стене. На нем портрет дедушки ветерана.

Вся комната озаряется вспышками взрывов на улице.

Имана мечется, снимает большую сумку с антресоли, выгребает детские вещички из шкафа. Потом бросает сборы, долго стоит перед телевизором, сервантом с чайным сервизом.

– Папа! Что делать? Куда девать? – показывает рукой на сервант. Отец машет рукой.

Имана догадывается: в большое одеяло укутывает телевизор, сервиз перекладывает на нижние полки шкафа, завешивает шкаф одеялами.

Эпизод №5

Подвал городского многоквартирного дома. Группками, семьями сидят люди, дети приспособились: кто на руках у взрослых, кого уложили на ящики, на мешки. Разговоры вполголоса, иногда детские капризы, плач. Кое-где горят свечи. Кто-то светит фонариком.

В подвал спускается юноша. Зовёт:

– Мадина! Мадина или Амина есть здесь?

Мадина пробирается к выходу.

– Муслим? Ты меня ищешь?

– Да, Мадина. Я проститься пришёл. Мы уезжаем сейчас в Старые-Атаги. Вы как? Остаётесь в Грозном?

– Я пока не знаю. Отец ничего не говорил. А вы надолго?

– Не знаю, кто сейчас это скажет? Думаем, что в селе безопаснее. У нас в Атагах брат отца живёт. Ладно, Мадина. Будем верить в лучшее. Ты береги себя. А я тебя всегда помнить буду. Прощай. Жди меня.

Воспоминания героини 5.

– Можно сказать нам повезло, мы только несколько дней провели в подвале, но эта сырость, запах, голод, все так перемешалось, осталось надолго в памяти. Там, конечно, мы бы долго не выдержали, и отец решил уходить на окраину города, к сестре. Он хотел, чтобы и соседи с ним шли, но многие так и не решились. Зато, что нам пришлось по пути пережить...

Эпизод №6

Улицы города, рвутся снаряды. Группа детей и двое мужчин, женщина пробираются перебежками от одного здания к другому. На руках у мужчин – самые маленькие. Голоса:

– Бегом, бегом! Быстренько.

– Не опаздывать, не зевать!

– Мага, Магомед! Некогда по сторонам смотреть!

Дети готовы плакать, жмутся к старшим. Но голоса мужчин спокойные, почти веселые.

– Ну-ка, дети, кто первый добежит до той скамейки?

– Там привал! Будем отдыхать. Дети бегут наперегонки, толкаясь, смеясь занимают места. Все останавливаются. Один из мужчин проходит до конца улицы. Там БТР, на башне – русские солдаты.

– Эй, ребята?! Там можно пройти?

Молчание. Вопросительные взгляды солдат.

– У меня дети. Как пройти к вокзалу? – Подходит женщина.

Солдат:

– Нет, туда нельзя. Там опасно.

Другой:

– Идите в обход. Лучше через дворы, на центральную улицу не выходите.

И вот группа выбегает на товарный двор, где обычно стоят товарные составы. Там пусто, но вся площадка – несколько десятков метров в ширину – хорошо просматривается.

Один из мужчин берет другого за локоть, глазами показывает: отойдем.

Диалог двух отцов (их слышит наша героиня)

– Видишь: все как на ладони видно

– И, по-моему, где-то снайпер бьет.

– Ну не по детям же!

– А это неизвестно. Что у него на уме? Ты знаешь?

– А если бегом?

– Нельзя всем сразу. Слишком легкая живая мишень. Надо поодиночке.

– Да-а! С детьми это сложно.

– Что делать? Вариантов нет.

Отец, собрав детей вокруг себя.

– Так, сейчас нам надо быстренько на ту сторону. Вон видите – дерево у забора? К нему. Но всем вместе идти нельзя. Будем перебегать быстро, но по одному.

– А можно я с Мадиной?

– Нет, ты будешь догонять Мадину. А она там тебя подождет. Все поняли? Ну, теперь кто быстрее. Карина бежит первая, и там, на той стороне засекает время. Кто быстрее всех перебежит, того я дальше буду нести на плечах. Это у нас такой приз будет. Понятно?

– Карина, у тебя есть часы? Перебежишь и засекай время. Ну, детка, с Богом! Медлить нельзя.

Карина, пригибаясь и торопясь, бежит на ту сторону. Все с тревогой, а маленькие с радостью наблюдают.

– Следующий, пошел. Бежит Амина.

И так один за другим дети перебегают через товарный двор.

Последним опасное пространство пересекает отец, с двумя младшими под руками.

Всякий раз слышатся хлопки выстрелов снайпера или свист пуль.

Последний кадр: поблизости дом, куда они направлялись – все входят во двор тети, на плечах у отца маленькая. Уставшие лица ребятишек, на некоторых следы слёз. На руках у отца спит младшенькая.

Воспоминания героини 6.

– Папа не ошибся, у тёти, на окраине Грозного, действительно было безопаснее, но надолго там нельзя было оставаться. Без мамы было плохо, мы не знали, где она, что с ней, знает ли, что с нами произошло. Папа очень за неё тревожился. Он понимал, что она нас ищет. И никакой связи, тогда ведь сотовых не было...

Эпизод №7

Москва. Рынок, торговые ряды с одеждой. Мать семьи героев, Лиза, рассматривает выложенные на прилавки детские вещи. Слышит голоса:

– Ой, кошмар! Грозный горит! Настоящая война! В России! Ужас! Свои со своими!

– Какие они свои? Рабов из русских делали! Какие свои? Пусть горит синим пламенем!

– Ой, нет, что ты! Что говоришь?! Там такой народ замечательный. Там моя Галя год прожила, я знаю.

Мама идет за женщинами:

– Что вы сказали? Грозный горит?

Женщины останавливаются. Молча вопросительно смотрят на Лизу.

– Грозный горит, вы сказали?

– Новости смотрели по 1 каналу? Война в Чечне!

Лиза, побелев, едва не падает, руки на груди, женщины ее подхватывают.

– Дети, там мои дети!

Лиза в большом магазине, пробирается в отдел, где продают телевизоры. Целая стена телевизоров. Кадры войны – БТР, солдаты. И голос диктора: – Сегодня начался штурм Грозного.

На экране кадры: горящие дома, Лиза узнает собственный дом, видит обрушенный подъезд, она выбегает из магазина.

Эпизод №8

1. Москва. Аэропорт. Билетные кассы. Все спокойны, улыбаются, вежливы. Картина, контрастная тем, что были в Чечне. А у Лизы в глазах картины горящего города и бегущих детей.

Кассиру:

– В Грозный билет можно взять?

– Грозный не принимает, в Грозный нельзя.

– Девушка, миленькая, у меня там дети, 6 человек. А я здесь, ничего о них не знаю.

– Вы – чеченка? – настороженная пауза.

Лиза смотрит умоляюще и ничего не отвечает.

Девушка пожимает плечами:

– Ничего не могу сделать.

– Девушка, мне очень надо, поймите. Сама матерью будешь.

- Ну я-то что? Аэропорт в Грозном разбомбили. Туда теперь только поездом.
- А куда долететь еще можно? В Назрань можно?
- В Назрань летают. Рейс в 18.00. Давать билет?
- Да! Да! Пожалуйста.

2. Здание аэропорта в Назрани.

Перед ним – толпы людей и несколько машин.

Лиза с попугачицей:

- В Грозный берете пассажиров?
- Какой Грозный? Там все перекрыто.

К другой машине:

- В Грозный берете? Я втрое заплачу.
- Нет, сестра, не могу.
- У меня дети там. Пожалуйста, поехали!
- У меня самого дети. Их сиротить не хочу.

К третьей машине, молодому водителю:

- Сынок, в Грозный не рискнешь? Три цены плачу. У нас там дети. Поехали, а?

Молодой водитель машет рукой:

- Ну раз три цены, можно и рискнуть.

Подмигивает Лизе и ее попугачице.

- Поехали!

Эпизод №9

Ночь. Сельский дом, в котором остановилась семья Муслима. Отец Муслима, он сам, брат Аслан и сестра Зарема смотрят телевизор. Женщины, мать Муслима и жена хозяина дома, хлопчут на кухне. Слышится отдаленная автоматная очередь, затем взрыв. Отец приглушил звук телевизора. Прислушивается. Снова автомат. Смотрит на Муслима.

- Зачистка?
- Сиди спокойно. Документы у нас в порядке.

В это время одна из женщин выходит на крыльцо выплеснуть воду. И видит происходящее во дворе у соседа. Там солдат подбегает к двери подвала, с силой бьет в дверь ногой и сразу же бросает в образовавшийся проем гранату. Взрыв заставляет женщину отпрянуть от двери.

Уже к ним во двор через забор перепрыгивают солдаты. Вскоре они заполняют весь двор, ломятся в гараж, в дом. Мужчин выводят.

– Лицом к стене, руки!!

Муслим опирается поднятыми руками о стену, солдат с силой бьёт по ногам, принуждая его поставить ноги пошире. Выталкивают отца, ставят так же к стене.

– Документы где?

Муслим говорит матери по-чеченски:

– Паспорт в кармане куртки.

И тут и на сына, и на мать обрушивается град ударов.

– Говорить по-русски, щенок!

На крыльцо выбегает Зарема, в руках у неё документы, она пытается успокоить мать, но тоже на чеченском языке. За это солдат хватает её за волосы и грубо толкает девушку.

Посмотрев документы, объявляют Отцу и Муслиму:

– Вы идёте с нами. До выяснения личностей.

Мать громко вскрикивает. Отец:

– А почему? Документы у нас в порядке.

– Потому, что оканчивается на -У! Будешь возражать ещё?

В соседнем дворе кричит женщина, пытаясь удержать мужа, которого тоже забирают солдаты. Они открывают такую стрельбу, что женщина только втягивает голову в плечи и закрывается руками. Стреляют над головой, под ноги, по окнам дома, в сантиметрах от людей.

Мужчин выталкивают на улицу. Когда мать пытается удержать Муслима, ее ударяют так, что она падает и на какое-то время теряет сознание. Когда очнулась, машины уже скрылись.

Общая панорама села в предзакатном тумане. Звуки выстрелов, крики и плач мечутся по селу.

Эпизод 10

Машина на стоянке у небольшого придорожного рынка.

Водитель разговаривает с местными жителями. А в машине Лиза с попутчицей.

– Хвала Аллаху, хоть здесь через блокпост пропустили. Что там дальше?

– Паспорта с Грозненской пропиской помогли. Ну где он там?

Подходит водитель:

– Все, женщины, приехали. Дальше нельзя.

- Как нельзя? Ведь нас пропустили?
- Нельзя, там и обстреливают, и подрывают. Дальше я не еду.
- Три цены берешь, а сам на полпути бросаешь?
- Не на полпути. Мы почти доехали. Дальше сами добирайтесь. Да и безопасней пешком.

Женщины в пригороде Грозного.

Ночлег в чужом доме. Негромкий разговор:

- У соседки дочка вернулась от родственников из Бамута. Рассказывает, что у них воюют уголовники какие-то. По соседству девочку 15 лет изнасиловали.
- Может, и вправду уголовников сюда закинули. Какой ужас, какой ужас!

В стороне – Лиза молится. Когда намаз окончен, подходит к столу.

- Что ждатель-то? Пойду я завтра к сестре, в Ачхой. Может, с ней будем искать наших. Может, Лариса что слышала о них.

Эпизод 11

На окраинах Грозного. Женщины идут, навстречу солдаты.

- Подожди Лариса, давай повременим, тревожно как-то.

Блок-пост обходят стороной. Улицы все ровнее, дома больше, много разрушений, но встречаются и целые пятиэтажки. Здание кинотеатра. В парке – редкие прохожие. Много развалин. Наконец они оказываются рядом с тем домом, где жила семья Лизы. Она с ужасом осматривает то, что осталось от дома, от их бывшего подъезда, сокрушенно качает головой. Пытается отыскать глазами какие-то следы от их квартиры, видит тот ковер, который нам уже знаком, по эпизоду №4. На одном гвозде висит портрет дедушки-ветерана.

Во дворе 2-3 женщины.

- Имран к сестре детей увел, нас звал, но мы не рискнули. Жалели очень, надо было с ними идти. А здесь что? Ни света, ни воды. Вон продукты у солдат берем. А погибло сколько соседей! Дакаевы – вся семья – во время бомбежки... А у Веры сын пропал, так и не смогла его найти до сих пор. Ваши соседи сверху на два дня позже решили ехать и попали под обстрел, все погибли.

Женщины обнимаются, вместе плачут, почти воют.

Эпизод № 12

Лиза и сестра у калитки дома, разговаривают с хозяйкой. Старая чеченка, улыбаясь, рассказывает:

– Видела я, видела таких ребяташек. С ними двое мужчин было и женщина. А за старшего у них такой славный человек. Так с детьми говорит, просто свет от него исходит. Спокойный, ласковый. Детям с ним хорошо.

Лиза:

– Да, это Имран! Высокий, черноволосый, да?

– Высокий-да! Не старый, только седой весь уже.

Лиза:

– Седой? Неужели это Имран?

– Мы были очень удивлены, когда узнали, что они из центра Грозного к нам добрались, спрашивали, как им это удалось, на что мужчина ответил: «Нас Всевышний за руку вел».

Лиза с сестрой сразу поняли, что это был Имран, только он мог так ответить.

Женщины сели передохнуть у одного двора. Лиза делает намаз.

– Ну что? Немножко осталось. Помоги нам, Аллах. Укрепи детей моих, дай силы Имрану.

И вот – калитка во двор. Лиза слышит детские голоса. И сразу – слезы. Дети во дворе, они еще не видят мать. Но вдруг девочка (Мадина) заметила мать, крик:

– Мама! Мамочка!

Бежит к калитке.

И отовсюду – выбегает детвора, бросается к матери, Лиза приседает, обнимает каждого и всех вместе.

Поодаль эту картину наблюдает отец, у него на руках младшенькая. Лиза плачет, вновь и вновь всех целует.

Лиза замечает мужа, он весь седой, бросается к нему, плачет. Плачет и малышка, тянется к матери. Все гурьбой заходят в дом.

Эпизод 13

Расположение одной из частей Российских милиционеров, в комнате группа мужчин в камуфляже. Один из них с газетой в руках:

– Слушайте, мужики, что пишут. Заметка называется «Русский плач третьей степени».

– Кто пишет-то? А то они понапишут!

– Журналист Петр Васильевич. Он два года в чеченском плену провёл. А, вот:

«Самым изощренным садистом был Ильман Бараев. Он любил разные пытки придумывать и давал им эффектные названия. Вот одно его изобретение – «смерть через макумбу», когда нас с Анной Ивановной... солдат поясняет: медсестра из госпиталя, 54

года ей... закапывали в землю с головой. Да еще и ногами утаптывали сверху. А секунд через тридцать откапывали, чтобы задохнуться не успели. Была еще «смерть через тарабунду» – это когда подвешивают вверх ногами на турнике. Анну Ивановну просто подвешивали, пока кровь к лицу не прильет, а меня еще и избивали. Другое изобретение Бараева – «русский плач третьей степени». Заставляет раздеться, принять упор лежа, потом берет пакет полиэтиленовый, поджигает его, и на спину какает. Горящий полиэтилен прилипает к спине, а Бараев отжиматься заставляет...»

– Вот сволочи. Просто поэтический палач какой-то!

Один из милиционеров встаёт:

– Ладно, идём. Мы им сейчас покажем «русский плач третьей степени»!

Выходят во двор. Вдоль стены на земле сидят задержанные.

– Та-ак! Ложись! Мордой вниз! – солдат берёт в руки прут арматуры, другой штыковую лопату и, проходя вдоль лежащих, обрушивают удары им на спины.

Один из арестованных (это Муслим) кричит:

– Эй, полегче! У меня рана!

Солдат подходит:

– Покажи. Увидел на спине рану, залепленную пластырем, и прямо по ней бьёт изо всей силы кулаком.

Другие в кирзовых сапогах ногами бьют лежащих под рёбра. Кто-то из заключённых приподнимает голову – следует удар милицейской дубинкой.

Дальше обо всём происходящем рассказывает жене отец Муслима:

– До 11 часов это продолжалось, потом они устали, даже запыхались. Решили отдохнуть. Стали нас собаками травить. На цепи их держат, травят. Хорошо, что на мне куртка была крепкая, не очень глубокие раны заживут. Собака треплет минут десять, пока оттащат и на другого напускают.

Отдохнули. Потом опять начали бить. Потом кричат: «В подвал, бегом!»

Какое там бегом! Я вообще сам идти не мог, у меня уже два ребра было сломано, меня потащили, бросили в подвал, опять начали бить. Подняли на второй этаж на допрос. Пить хотелось. В коридоре шум, ругань. В общем, после того, как Муслима на допрос забрали, я его не видел больше.

Воспоминания героини 7.

– Мамочка нас нашла, это были такие счастливые дни, я тогда, помню, даже свой дневник забросила, всё к маме липла. Я рассказала ей тогда про Муслима и моё обещание ждать его. Она жалела меня, всё уверяла: с ним ничего плохого не произойдёт.

Но бомбили везде, даже на окраине было небезопасно оставаться, наши родственники, перебрались в Хасавюрт и нас звали туда.

Эпизод 14

Дом тети, комнаты переполнены, дети – кто на диване, кто за столом со взрослыми.

Отец у окна:

– Смотри, что делается. Второй день обстрел.

Камера: на улице горит соседний дом. За столом – тяжелое молчание.

– Нет, ждать с моря погоды нельзя. Нельзя рисковать детьми.

Другой мужчина:

– Нет, надо ехать! Правильно говорит Нина. Там безопаснее.

Отец:

– Ну что ж, надо думать, все устроится. А здесь нельзя оставаться...

Раннее утро, все рассаживаются в машине. Дети на коленях у матери, у тети, друг у друга.

В машине – трое взрослых, шестеро детей, она медленно выезжает со двора. Русская соседка крестит вслед.

В пути:

Разговор в машине. Женщина:

– Ну, в добрый час. Что еще нас там ждет?

Отец: – Там нет федералов, там тихо. А о том, как встретят, не думай: последнее отдадут.

Блокпост

Солдат козыряет:

– Ваши документы! Куда направляетесь?

– Не видишь, детей от войны увожу!

– А вам куда?

– В Хасавюрт.

– За постом сразу сворачивай направо и поезжай через объездную дорогу. Там лучше будет. Там спокойнее. Счастливо, отец.

Русский солдат долго смотрит вслед машине.

Эпизод №15

Машина подъезжает ко двору. Раннее утро, но хозяева уже на ногах. Широко распахивают ворота, мужчины обнимаются. Разговор на чеченском. Улыбки, похлопывание друг друга по плечам.

Выбегает тетя, объятия, детишек перецеловала. Слышится: Хвала Аллаху! Хвала Аллаху!

За столом. Хозяин дома:

– В общем, так: располагайтесь. Знай, Имран, мой дом – твой дом! А мы себе найдем приют.

В это время входит сосед. Отец встает, рукопожатие.

Женщина продолжает рассказывать:

– Ну а когда спустились – началось самое страшное: ведь даже воды не захватили. Хорошо подвал сырой: с окна капало. Бутылку подвесим. За день бутылку накапает, хоть детям хватало. Мы уже так, по глоточку. Три дня выйти было нельзя. Еда, какая была, закончилась. Терпели. Даже дети не плакали. Всё молились. Да и холодно, сыро. Одеяло набросим на них. Сидят, дрожат. Но держались! Лизу часто вспоминали, скучали по маме.

Сосед слушает, потом встает:

– Ну, вот что. Я так понимаю: вы здесь остаетесь. Это правильно. Хочу сказать: будь братом мне, иди и в мой дом. Мы дворы соединим, я сегодня же уберу забор.

Отец:

– Спасибо, брат. Я и знал, что так и будет. Обнимаются.

Сосед выходит за калитку и со своей стороны начинает разбирать забор по секциям. Мимо проходит немолодой мужчина:

– Что это, ты, Казбек? В прошлом году забор наладил и уже разбираешь?

– Да. Русские говорят: пришла беда – отворяй ворота. Сосед дом свой брату с ребятишками уступает, надо поддержать их, они, бедняги, натерпелись в Грозном.

– А сам куда же? Его семья?

– Он с женой в Назрани поживёт, у родственников.

Старик одобрительно кивает.

Воспоминания героини 8.

– Почти год мы прожили там, очень добрые люди нас окружали, даже расставаться с ними было тяжело, а с другой стороны было, конечно, радостно, что мы могли вернуться на Родину, к себе, война закончилась, вернее нам казалось, что закончилась, но ненадолго, опять все началось заново, эти бомбежки, военные действия, как их стали называть, августовские события. Теперь жителям Грозного дали 48 часов на отъезд из города. Мы выехали в Толстой-Юрт, село, которое находится на окраине Чечни, а оттуда во Владикавказ, и дальше – в Лазаревский район Сочи.

– Тут для нас началась новая жизнь, все в этом городе было для нас ново. Мои первые впечатления были и грустными, и смешными.

Эпизод №16

Сочи. Летняя толпа, дети входят в аптеку, три сестренки и братик осматриваются, видят женщину, склонившуюся к окошку. Девочки остановились за ней, она разворачивается, чтобы отойти, но ее слишком обнаженные плечи, полное тело изумляют детей. Они несколько мгновений стоят, перекрыв ей дорогу, разинув рот, подталкивая друг друга, разглядывают ее в смущении, она бесцеремонно их раздвигает так, что младшая теряет равновесие. Голос рядом стоящей женщины:

– Осторожно: дети!

– Что-то бабушка хрюкнула? – отвечает женщина с обнаженными плечами.

Дети в шоке, с состраданием смотрят на оскорбленную женщину. Она молчит. Старшая догадалась:

– Извините, пожалуйста.

Женщина сокрушенно покачивает головой.

Девочки выходят на улицу и с изумлением видят обнимающуюся парочку. Старшая первая приходит в себя:

– Так, быстрее девочки, пойдете отсюда. Мага! Иди, иди.

Она собой пытается закрыть влюбленных. Дети, опустив глаза, торопливо, стыдясь и краснея, стараются проскочить опасное место.

А младший говорит:

– У, дураки какие-то!

Девочки стыдливо молчат.

Эпизод №17

Вечером девочки говорят маме:

– Ой, ужас, мы сегодня столько насмотрелись! Представляешь, мама, женщина полная и так немолодая – в маечке! На бретельках! – Ох, кошмар! – девочка закрывает лицо руками
– Все плечи голые!

– А потом, потом – вообще. Выходим мы, Магомед ведь с нами – стоит парочка, обнимаются и ...

– Ой, мы не знали, куда деваться.

– Даже Мага покраснел, говорит: «Дураки какие-то». Как здесь люди живут?

Мама:

– Вы, девочки, особенно не смотрите на эту чужую жизнь. Если здесь так принято, то это не значит, что это хорошо – просто здесь так живут. И мы ведь не можем их поправлять, поучать. Как говорят русские: со своим уставом в чужой монастырь не ходят. Поэтому вам совет: не заглядывайте на чужую жизнь. Берегите в себе те правила, которые у нас приняты.

– Мама, ну так страшно! Разве так можно делать? Как они? Не понимаю!

Эпизод № 18

Расположение федеральных войск. Военно-полевой госпиталь. Больничная палатка. На одной из высоких кроватей, специально оборудованных для тяжёлых раненых с переломом позвоночника, лежит брат Муслима Аслан. Он рассказывает вполголоса молоденькому солдатику, соседу по койке:

– Нас раздели догола. Потом толкнули на пол, пинали нас, чтоб мы катались по полу. А там, на полу порох, гарь. Так из нас боевиков делали. Одежду нашу с пылью перемешали. Потом приказали одеться. Один подошел к брату моему, Муслиму, велел руки на стол положить и дубинкой по пальцам! Я говорю:

– Что вы делаете! Он же не был на войне!

– Молчать! – кричит, и меня ударил.

Какой длинный был день! Мы не понимали, чего от нас хотят, почему издеваются. Нам ничего не объясняли. Я спросил:

– Почему нас сюда привезли, в чем наша вина?

– В том, что «урками» родились!

Потом, уже поздно было, снова ввалились к нам. Опять мучить!

Зажгли свечи. Там было три стула. Нас посадили вокруг стульев, стали бить дубинками. Брат сидел напротив меня. Один подошел с кинжалом, велел положить мне палец на стол. Другой говорит:

– Давай, лучше, вот этому ухоотрежем. Тот, кто дубинкой бил, спросил у других:

– Нож есть?

Ни у кого не оказалось. Он пошел куда-то и принес длинный сувенирный нож. Я думал, он погугать хочет. В одной руке у него был бинт.

Он крикнул на нас:

– Сидеть, не дергаться! Смотреть только на ноги!

Они не давали смотреть себе в лицо. Я пытался все-таки увидеть, что происходит. Он подошел ко мне и аккуратно, как материю, отрезал ухо. Завернул его в кусочек бинта и спрятал в карман. Потом приложил кусочек бинта к моей голове. Потом отрезал ухо у Сулеймана, отдал его другому:

– Это тебе сувенирчик.

Солдатик слушает рассказ парня с брезгливым выражением лица и, после паузы, говорит:

– Да-а! Война нам совести не прибавляет. Всех зверями делает.

Пожилой русский солдат, с другой койки, возражает:

– Не скажи! Это зверем становится тот, кто и был зверем. А человек так человеком и останется. Хоть русский он, хоть чеченец.

Вечером включают телевизор, раненые смотрят сюжет о том, как чеченцы высылают родителям русских военнопленных пленки, на которых просьбы молоденьких солдат выкупить их из плена. Сцены отстреливания пальцев, запугивания родных.

Эпизод №19

Сочи. Вечереет. На скамейке у дома сидят двое: он и она. Совсем юные, школьники–старшеклассники. Девушка курит, у парня в руках бутылка с пивом. Девушка хихикает, плюет на три метра. Вид безобразный.

На соседней скамейке – старушка. Она встает, подходит к молодым:

– Ребята! Что ж вы так: плюете, кричите? Да и обниматься вам еще рано, на людях-то!

– Бабуля, ковьялай дальше, мы тебя не трогаем.

– Нет, миленький, трогаете, а как же? Мне хочется любоваться вами, молодыми и красивыми. А мне за вас стыдно! Брось, девонька, свою сигарету, не надо! Вон ты какая славная!

Молодые молчат. Девушка идет к урне и выбрасывает сигарету, потом садится чуть поодаль от мальчика. За этой сценой наблюдают наши дети.

Дети, увидевшие сцену замечания, почти счастливы. Улыбаются, подталкивая друг друга. Бабушка проходит во двор, детвора за нею. Навстречу мама с ребенком.

– Здравствуйте, Вера Николаевна.

– Ну как ты? Как, маленький?

Ласково треплет его по плечу.

– Ой, спасибо, Вера Николаевна. Он уже почти здоров: сегодня спал хорошо. Спасибо Вам, если бы не Вы...

– Ну что ты, милая. Не надо благодарить, это мой долг: я врач. Выздоровливайте.

Оказывается, бабушка идет в тот же подъезд, что и наши дети, поднимается медленно на 2 этаж. Ребята не решаются ее обогнать. Тихонько идут сзади. Когда бабушка начинает открывать свою квартиру, они звонят в дверь напротив. И неожиданно говорят, тихо и ласково:

– До свидания, Вера Николаевна.

– До свидания, ребятки.

В квартире – мама, ребята ей рассказывают:

– Знаешь, мама, напротив нас живет бабушка, такая хорошая.

– Вы познакомились?

– Нет, мы видели, как она пристыдила парочку. И так им тихонько замечание сделала, что они послушались.

– Видишь, мама, им тоже так нельзя делать.

Эпизод № 20

Мадина, свернувшись комочком, вспоминает сцену на скамейке. (уже знакомые кадры) Потом вспоминает, как Муслим приходил в подвал прощаться. (уже знакомые кадры) Потом сцену на репетиции ансамбля. (уже знакомые кадры) Девочка сначала тихо улыбается, потом начинает плакать, старается молча, чтобы никто не слышал, только видно, как под одеялом вздрагивают её плечики. Потом садится на кровати, молится, что-то шепчет, а перед глазами – Муслим. После молитвы Мадина успокаивается и засыпает.

Ночью у малышки поднимается жар, она мечется, мама у кроватки не спит, носит девочку по комнате. Ребенок плачет. Проснулись старшие дети:

– Что там? Что? Заболела?

Мама вынимает термометр. Говорит отцу:

– Ты представляешь: дала жаропонижающее, и все равно 39.

– Ну что делать? Давай скорую вызывать?

– А приедут? Прописки у нас нет. Да у нее и свидетельства нет.

– Какая разница? Ребенку обязаны оказать помощь.

Отец звонит в Скорую помощь. Занято. Занято. Мать с тревогой смотрит в его сторону. Малышка плачет всё громче, потом почти хрипит. Дети столпились в дверях. Готовы к слезам.

В это время Мадина тихонько выходит и звонит в дверь Вере Николаевне. Звонит долго. Ночь. Открывают не сразу.

– Здравствуй, милая. Ты к кому? Кто тебе нужен?

– Я к вам. Вас Вера Николаевна зовут? А мы напротив живем. У нас маленькая заболела. Температура 39.

– А взрослые дома?

– И мама, и папа. Скорая помощь не едет.

– Заходи. Подожди минутку. Я сейчас.

В квартиру заходят Мадина и Вера Николаевна.

– Здравствуйте, соседи. Вот девочка Ваша меня позвала. Я врач. Что с ребенком?

– Температуру сбить не можем.

Маленькая, вся красная, уже не плачет. Тяжело дышит.

Вера Николаевна берет ее на руки, аккуратно разворачивает. Готовит ампулу и шприц. Делает укол. Ребенок плачет В.Н. носит девочку, напевает, успокаивает. Потом осматривает кожу, щупает животик, слушает легкие. Кладет на лобик влажную салфетку–
Кадры ухода за ребенком.

Эпизод № 21

Днем к В.Н. приходит Лиза. Она обнимает соседку.

– Спасибо Вам, милая. Мы вам спать не дали.

– О чем вы говорите? Как девочка?

– Ей лучше, до сих пор спит.

– Это хорошо, значит на поправку пойдет. Дети у Вас какие славные! Давно вы у нас?

– Да нет, только приехали. Вот в дороге, видно, малышку застудили.

– А сами откуда?

– Из Грозного.

– Из Грозного? Тяжело там?

– У нас дом разбомбили, и квартиру тоже.

– Ай-ай-яй. Все целы?

– Слава Аллаху! Дети живы, дети с нами. Остальное – наживем.

– Пойдемте в кухню – чайку попьем. В.Н. угощает Лизу, ласково за ней ухаживает.
Разговор продолжается.

– Да-а, мне не понаслышке знакомы события в Чечне. А вы решили здесь оставаться?

– Наверное, здесь. Обещали нам помочь.

– Детей в школу надо устраивать?

– Да, придется. Как они приживутся? Трудно будет им привыкать среди чужих. Они вообще-то хорошо учились. Смыслёные дети, старались. Как здесь будет? Переживаю я за них.

– Ничего, Лизонька, не бойся. Везде люди. Поймут, помогут. Ко мне, если что, обращайтесь. Младшеньким, я думаю, и в учебе смогу помочь. Приходите, не стесняйтесь. Теперь-то я одна, мне не в тягость.

– Ваши детки, наверное, далеко?

– Да-а, так далеко, что не достучишься, не докричишься... – Лиза внимательно всматривается в ее лицо.

– А что?

– Да, был у меня сынок единственный, вот уже почти два года, как я его из Чечни привезла. Спасибо, Бог дал, похоронила я его. Долго искала. – Начинает плакать.

– Ладно, Вера Николаевна, не будем вспоминать, тяжело вам.

Воспоминания героини 9.

– Мы с сестрами пошли в школу, меня приняли в 7 «Д», самый слабый класс, я ведь столько потеряла, а младших двух отдали в детсадик. И вот дальше началась пора испытаний для нас, детей. Мама и папа увезли нас из-под бомб, от угрозы физической смерти. Но они не могли за нас прожить нашу жизнь. Нам самим надо было отстаивать своё место среди детей, своё право на уважение среди чужих нам нравов. Но у нас мудрый папа. Это он объяснил нам, что сначала мы должны научиться уважать эти чужие нравы, новые для нас правила жизни. Это было очень непросто.

Эпизод № 22

В школе. В класс входит учительница, с нею Мадина.

– Вот, ребята, у нас новенькая. Мадина ее зовут. Она будет учиться у нас в классе. Прошу любить и жаловать.

Одна из девочек приглашает Мадину сесть рядом. Перемена. Классная руководительница, обращаясь к группе девочек.

– Девочки, вы уже видели новенькую Мадину?

– Да, она на географию пришла.

– Вы ей помогайте, девочки. Ей трудно на первых порах придется. Они беженцы, здесь им все чужое.

– Беженцы? Откуда?

– Из Чечни.

– Они чеченцы?

– Да, пожалуйста, девочки.

Школьницы (между собой):

– Ой, вчера передачу видели? Как чеченцы нашим пленным пальцы отстреливали?

– Да, я видела, ужас какой.

- Мой отец говорит: это дикий народ, всегда одним разбоем жили, работать не хотели.
- А может, и у этой Мадины брат в боевиках?
- У нее один брат, да и тот в детский садик ходит.

Звонок. Девочки заходят в класс. Но теперь новая знакомая, пригласившая Мадину сесть за свою парту, забирает свои книжки и пересаживается молча за другой стол. Мадина остается одна.

Звонок с урока. Учитель разрешает выйти.

- Мадина, пойдем с нами.
- Я еще деньги на питание не сдавала.
- Да пойдем, сегодня троих нет. Значит ты за них будешь.
- Нет, девочки, не надо.

Отсевшая от Мадины девочка, которая рассказывала об отношении отца к чеченцам, говорит громко и нарочито враждебно, глядя на Мадину:

- Девочки, кошельки не забывайте: у нас теперь чужие есть.

Мадина встает и молча выходит из класса.

Эпизод № 23

Вечером за ужином. Отец:

- Ну, как там вас приняли? Как ребята?

Мадина едва не плачет, наклоняется над своей тарелкой.

- Что, Мадина? Обидел тебя кто?
- Да нет, просто разные люди. Не очень-то рады с нами дружить.
- Ну, дружбу еще заслужить надо. Новый – всегда чужой. Вы не копите обиды. Сами старайтесь ко всем хорошо относиться, с открытым сердцем. Постепенно привыкните. Вы, я слышал, удивляетесь здесь многому, посмеиваетесь. Дескать, люди грубые, женщины стыда не имеют, пьяниц много. Конечно, плохое можно найти у каждого народа. А вы ищите хорошее. И помните: нас сюда никто не звал. Значит, не нам и судить их. А хороших людей везде немало. Вот их-то ищите. Их доверие старайтесь заслужить. Люди вам поверить должны. А для этого надо вместе с ними много добрых дел сделать. А кто на тебя сердито посмотрит – тому улыбнись. И он тебе добром ответит.

Эпизод № 24

Заканчиваются уроки. Мадина сидит на последней парте, с ней никто не общается, да ей самой не хочется с ними общаться. Ребята расходятся. Слышит разговор:

– Вот она странная какая-то, да? Вообще не разговаривает.

– Может, не умеет говорить по-русски, может еще что-то, ладно пойдем, еще опоздаем...

Медленно идёт по улице. Приходит домой, начинает плакать, мама с Верой Николаевной ее успокаивают.

– Мадиночка, ничего страшного, они ведь тебя не знают, ты же видишь, какими чеченцев по телевизору показывают, поэтому люди неправильно нас воспринимают, не плачь родная, они тебя еще узнают, полюбят.

– Да полюбят, как и я люблю – говорит бабуля, – Мадина обнимает соседку и еще больше начинает плакать. – Миленькая, я буду с вами заниматься, быстренько всех догонишь, а на девочек не обижайся, они не со зла это говорят, они маленькие, глупенькие еще.

Сестра:

– Мадина это еще ничего, я с моим одноклассником Саидом сегодня знаешь, что слышала? Мальчик, который оставался на второй год, заявил такое...

Эпизод №25

В школе на перемене Амина с Саидом стоят разговаривают, в коридоре неподалеку собрались мальчишки, оживленный разговор о будущем, о том, кто кем хочет стать. Один:

– Я таксистом буду, они неплохо зарабатывают.

– А я завербуюсь в какой-нибудь северный город, нефтяником работать. Во-от там бабки крутятся!!

Третий хлопает одноклассника по плечу.

– А Васька у нас банкиром станет!

Один из мальчишек, неотесанный, с бессмысленным взглядом, вечно с дурацкими приставаниями к ребятам, говорит: – А я вот, когда вырасту, стану летчиком-истребителем и всех чеченцев расстреляю!

Саид спрашивает у Амины:

– Что он сказал?

Амина успокаивает парня – Ничего не сказал, давай лучше повторим географию, сегодня будут спрашивать.

Саид вскакивает, подбегает к парню:

– Что ты сказал?! – Саид, весь красный, хватает парня за шиворот.

– Саид, ты что, я же говорю стану летчиком-истребителем и чеченцев расстреляю.

– Что??? Что ты сказал? Я тоже чеченец!

– Я... я... это... я думал, ты адыгеец.

Саид сильно бьёт мальчишку, тот скручивается от боли.

– Еще рот откроешь на чеченцев...

Звонок. Дети разбегаются на урок.

Эпизод № 26

Мадина с Иман сидят во дворе с соседскими детьми, одна из девочек:

– А вы правда чеченки?

– Да

– Ого! А стрелять умеете?

Девочки молчат. Не знают, как реагировать. Идет соседка с сумками, девочки, не отвечая, на заданный вопрос, подходят к бабушке.

– Вам помочь? Сумки, наверное, тяжелые?

– Ой, спасибо, девочки большое! Я так устала их тащить, аж с самого рынка иду, сил нет.

Воспоминания героини 10.

– Так, порой бывало обидно от этих слов, еще в школе не успевала, я ж столько пропустила... Вот тогда мне пришлось засесть за книги. Я в тот свой первый год здесь так много книг прочитала. И потом, нам здорово помогла наша соседка, Вера Николаевна. Она и Магомеду помогала, и с сёстрами занималась. Мы очень старались. Так хотелось догнать одноклассников. Я всё твердила себе: я смогу, я смогу.... Ну, потом как-то так незаметно пошли оценки получше, потом ещё, ещё. Я стала даже подсказывать другим. В общем, наладилось дело.

Эпизод № 27

Урок литературы. Дети читают наизусть отрывок из поэмы Лермонтова «Мцыри» У Доски мальчик:

Я ждал. И вот в тени ночной

Врага почуял он, и вой,

Протяжный, жалобный, как стон,

Раздался вдруг. И начал он

Сердито лапой рыть песок...

В это время дверь приоткрывается, и кто-то вызывает учительницу. Она на минутку выглядывает из двери и затем объявляет:

– Дети, мне на несколько минут надо выйти, повторите, пожалуйста, сами... Я скоро вернусь.

Дети остаются одни и в это время робкая некрасивая девочка в очках говорит мальчишке на задней парте (умоляющим тоном):

– Хватит, замолчи, отстань!

Он продолжает негромко:

– Дура подслеповатая, чумичка-ботаничка недоделанная.

Класс разражается хохотом. Мальчик, ободренный, кричит:

– Чумичка-ботаничка, ботаник-очкарик!

Все смеются.

Девочка кладёт голову на стол и плачет. Все смеются ещё громче.

В это время Мадина встаёт, поворачивается к обидчику подруги и изо всей силы даёт ему пощёчину. В классе мгновенно устанавливается тишина. И в этой тишине Мадина отчётливо говорит:

– Ну, что тут смешного?

Её слова звучат как вызов всем. В классе – тишина. И вдруг слышится восхищённый голос:

– Во-о даёт!!

Открывается дверь, в класс заходит учительница. Дети пристыженно молчат.

Воспоминания героини 11.

– Ну что? Он отомстил тебе?

– Нет, ты представляешь, он смолчал и стерпел. А на следующий день все на меня с таким уважением смотрели. И Любу перестали дразнить. А Стёпка-хулиган потом даже подружился со мной и всем говорил, что я классная девчонка. В общем, после этого случая отношение ко мне в классе изменилось. И мне стало намного легче общаться с ребятами. Никогда не ожидала, что так получится.

Эпизод № 28

На площадке у кинотеатра группа подростков собирается на сеанс.

– О, отлично, чем на химии сидеть, лучше киношку посмотрим.

– А про че там кино?

– Про войнушку, про чеченцев.

– Там один солдат – его русским Рэмбо называют, вот молотит чеченцев.

В это время в группе девочек Мадина тревожно прислушивается к случайно пойманым словам. У нее явно портится настроение. Ребята поднимаются по ступенькам в кинотеатр.

Зал городского кинотеатра. Подростки шумят, перебрасываются то жвачками, то яблоками, девчонки сидят сплетничают, хихикают. Все ожидают начало сеанса.

Первые кадры фильма Алексея Балабанова «Война». Камера проходит по лицам ребят. Мадина нахмурилась, она явно встревожена.

Фрагменты фильма (отобрать). Происходящее на экране вызывает у ребят разную реакцию. Кто-то нарочито громко, с подвыванием смеется, кто-то визжит, кто-то нахмуренный, Мадина сидит, вжавшись в кресло. На лице возмущение и даже гнев. После кадров, идущих на чеченском языке, кто-то из школьников кричит:

– Эй, Мадина, что он сказал, переведи!

Весь зал дружно оборачивается и смотрит на Мадину. Она под прицельными, недоброжелательными взглядами. Несколько мгновений она молчит, потом поднимается и пробирается к выходу. Все наблюдают за ней. И вот, когда закрывается дверь, еще несколько подростков заторопились к выходу. Они догоняют девочку в фойе и хотят ее утешить.

– Мадина, ну что ты? Что ты расстраиваешься? Это же кино.

– Не обращай внимания.

– Ну что ты, Нигер, мы с тобой!

Мадина сквозь слезы благодарно улыбается.

Эпизод №29

Мадина заходит к Вере Николаевне в квартиру.

– Вера Николаевна, я в кино сегодня была, так расстроилась.

Вера Николаевна сидит за столом, перебирает фотографии сына. Она не сразу отвечает Мадине.

– Конечно, сейчас позанимаемся. Хочет собрать фотографии в альбом. Но девочка подсаживается к столу, робко берёт фотографию.

– Можно я посмотрю. Это Ваш сын? Симпатичный какой. Мне мама говорила: он в Чечне погиб? Он командиром был?

– Нет, детка. Врачом он был. Да и пробыл-то в Чечне всего месяц. Он сопровождал воинскую часть, ну и отстал от своих. Тут его и взяли.

– Он в плену был? И погиб в плену?

– Да, моя хорошая, там и погиб.

– На mine подорвался, да?

– Да, подорвался. Только не на mine. На человеческой жестокости подорвался. И мне сердце надорвали тогда. С тех пор так и хвораю.

Мадина молча вопросительно смотрит на Веру Николаевну, не смея попросить её рассказать о гибели сына.

Но Вера Николаевна начинает сама:

– Я кассету с видеозаписью получила от их хозяина, ну, у которого держали Ваню и его других ребят. Мальчишки совсем, Ваня среди них самый старший. Они там просили родителей выкупить их из плена. А Ваня не просил. Знал, что я одна, что нет у меня этих миллионов. Но я его узнала на кассете. И потеряла покой. Спать не могла, не ела ничего недели две. Всё мне его муки мерещились.

Ну и решила: квартиру продам, а деньги соберу.

Десять месяцев искала Ваню по всей Чечне.

Эпизод № 30

Камера показывает встречи русской женщины с федеральными войсками, с чеченскими боевиками, разговоры с жителями сел. На фоне этих кадров голос В.Н.:

«Видно, Господь меня водил по тем дорогам, где я ходила и не подорвалась, хотя мин там было больше, чем камней. Видно, он меня защищал от бомбежек, не дал мне возможности погибнуть, посчитал, что мой долг, долг матери – найти сына, похоронить его в родной земле. С февраля по сентябрь я его искала. А его уже казнили, ещё в августе, в чеченском селе Ведено.

Я немного не успела – в те дни я была в каких-то пяти километрах от места казни.

Но я-то об этом узнала лишь в сентябре. И я решила: во что бы то ни стало найти хотя бы его тело и потом похоронить его на родине. Я надеялась найти его по медальону, который я ему сама надела перед отъездом. Я все фотографии Ванины раздавала, надеясь узнать хоть что-то. За большие деньги один из чеченцев согласился указать место захоронения.

Была уже ночь, когда я с саперами украдкой при свете фар раскапывала яму, в которую бросили тела четверых ребят. Я стояла и только молилась, чтобы среди них не было Вани. Я не могла, не хотела верить, что его убили. Доставали останки – одного, потом другого. Я уже узнала его сапоги, стоптанные так, как снашивал только он, но все говорила: “Я не поверю, если не найдете Ваниного медальона”. И когда кто-то крикнул: “Медальон, медальон!” – я потеряла сознание – Он оказался обезглавлен.

Во время всего рассказа Мадина жадно слушает, видно, что она всей душой сочувствует женщине. Она то вздыхает, то закрывает лицо руками.

Когда Вера Николаевна замолчала, девочка расплакалась.

Вера Николаевна гладит ее по голове.

– Мне стыдно за своих... Ужас какой!

– Нет, стыдиться не надо, ваш народ тоже настрадался. Пусть стыдятся те, кто эту войну развязал. А простые люди здесь не при чем.

– А вы нам помогаете. Добрый вы человек. И нет на сердце обиды?

– Есть, конечно, обида. Только не на вас. Да и Христос учил: обиды нельзя копить, надо прощать все, даже врагам своим.

Мадина обрадовалась и обняла Веру Николаевну:

– И у нас так же: Гечде ахь, кьинхетам бе ахь (чеченский), это означает то же самое: не копи обиды, прости обидчика.

Обе, ребенок и старушка, обнявшись, плачут.

Воспоминания героини 12.

– Через два года меня перевели в 10 «А», самый сильный класс, я выигрывала во многих олимпиадах, в новом классе у меня появилось много друзей, но близкой подругой мне стала Наташа, мы даже жили с ней по соседству, как-то шли мы с ней домой...

Эпизод №31

Новая подруга Мадины Наташа:

– Завтра будет мое выступление в ДК, придешь?

– Конечно, приду, надеюсь, концерт днем.

– Да, днем.

– Ой, так классно, интересно на тебя посмотреть!

Через день в школе:

– Мне так понравился концерт, ты просто молодчина!

– Спасибо, Мадина.

– Давно я не видела полные залы, а когда-то... я тебе рассказывала, что тоже раньше танцевала?

– Ты что занималась танцами??

– Да, я с 5-ти лет ходила.

– Ух ты! Как хорошо, у нас в конце года должен быть конкурс – концерт, а девочка, которая со мной солирует, уезжает с семьей в другой город, у нее отец военный, они вечно в переездах. Короче, Мадина, ты для меня находка.

– Наташа, подожди! Я совсем другими танцами занималась, ты что? Нет, это точно, я не смогу так танцевать, да меня и не возьмут

– Кто тебе это сказал?? Давай для начала хоть попробуем? Ты же столько лет занималась.

– Ну, я же говорю, я занималась совсем другими танцами, национальными.

– Мадина, ты танцор или как?

Мадина улыбается

– Я сегодня поговорю со своим хореографом, она у нас такая классная, может действительно возьмет

– Не знаю, пустят ли меня родители.

– Давай для начала я с Екатериной Валерьевной поговорю, если она согласится, поговорим и с твоими родителями, попросим, если что, Е.В. нам помочь

Эпизод № 32.

Подруга идет к хореографу, поговорить о Мадине.

Стучится в дверь класса, открывает ее.

– Екатерина Валерьевна, здравствуйте!

– Привет, Наташа. Ты что тут делаешь, у нас занятия завтра ведь?

– Я пришла с вами поговорить, у вас есть минутка?

– Конечно, заходи, давай поговорим, пока малыши не пришли.

Наташа робко молчит, не знает, как ей начать

– Екатерина Валерьевна, знаете... я хотела... даже не знаю с чего начать – запинаясь начинает Наташа, то смотрит на свои руки, то в окно, а хореограф терпеливо ждет.

– Знаете, Е.В., у меня есть подруга, очень хороший человек, она с детства занималась танцами, я вот подумала, раз Катька уезжает, может ее со мной поставить танцевать, а девочки на своих местах будут, тогда можем и не переделывать танцы?

– Наталья, я ж не могу рисковать, ваш конкурс совсем скоро, а танцы сложные...

– У нее получится! Я с ней буду заниматься, я за нее ручаюсь!

Женщина задумывается:

– Ладно, раз ты так уверенно говоришь, думаю, мне нужно хотя бы посмотреть на нее!

Наташа от радости начинает прыгать, обнимает женщину, уходя, говорит:

– Спасибо вам огромное, Екатерина Валерьевна, обещаю, мы вас точно не подведем!

Эпизод № 33.

Наташа приходит к Мадине домой, звонит в квартиру, открывает дверь мама

– Здравствуйте, тетя Лиза!

– Здравствуй, красавица! Проходи – зовет ее в дом. – Мадина, Наташа пришла. Девочки, прошу на кухню

- Ой, тетя Лиз, я вот только недавно ела, не хочу, спасибо.
- Ты откажешься от моих чепалгаш? – загадочно улыбается мама.
- О нет, от них я не в силах отказаться, даже если и сыта, – серьезно говорит девушка, и все вместе заливаются смехом

Пока мама накладывает угощение в тарелки, Наташа тихо говорит Мадине:

- Я поговорила с Е.В., она хочет посмотреть на тебя, как ты танцуешь.
- Да?
- Да, завтра занятие, пойдем вместе.
- Надо с мамой поговорить.
- Давай сейчас вместе и поговорим?

Девочки идут на кухню, мама накрыла стол, начинают пить чай, девочки переглядываются, не знают, с чего начать, Наташа показывает взглядом «Ну давай начинай!», Мадина робеет, подруга берет инициативу на себя.

- Теть Лиз, а почему вы не пришли на мой концерт?
- Ой, Наташенька, времени все не было, то одно, то другое, но девочкам очень понравилось, как ты танцевала.
- Спасибо, – отвечает Наташа и решает действовать, – сейчас мы готовимся к конкурсу, а девочка, которая должна была со мной танцевать уезжает, знаете, в каком я положении, так не хочется номер переделывать, если бы Мадина мне помогла, она ведь столько лет ходила на танцы.
- Да, Мадина любит танцы, там на Родине все родственники любили смотреть, как она танцует, но чем она может тебе помочь?

В речь вступает Мадина.

- Она просит меня с ней танцевать, но, мам, там костюмы не открытые, не волнуйся, и я буду заниматься танцами только до окончания школы, может, поговоришь с папой?
- Ладно, я поговорю с ним.
- Теть Лиз, спасибо вам большое! – девочки счастливы.

Эпизод №34

Мадина с Наташей идут на танцы.

- Екатерина Валерьевна согласилась встретиться с нами двумя за час до занятия, чтоб ввести тебя в курс, я уверена: ты ей понравишься, ну, а она тебе – естественно.
- Ты действительно думаешь, что у меня получится? Лично я в себе не уверена. Я давно уже не занималась.

Наташа корчит недовольную гримасу.

– Не, ну честно, тем более я же никогда не танцевала ваши танцы

– Вот только прошу: давай договоримся хотя бы танцы не делить! У нас эстрадные танцы и они не делятся на национальные. Да, он может зародиться в какой-нибудь стране, например, Фламенко, зародился в Испании, но его танцуют люди очень многих национальностей, и испанцы, думаю, только рады этому!

– Прикольно, – отвечает Мадина

– Я тоже так думаю, – Наташа улыбается, потом серьезно добавляет, – и что самое интересное: в танцах всегда побеждает добро!

– А ты права, – задумывается Мадина и продолжает, – знаешь, когда мне плохо, я всегда танцую, тогда мне кажется: мир становится красивее, как– то вот... добрее...

– Вот я о том же!

– Наташа, а как насчет костюмов, ты ведь знаешь...

– Мадии-нааа, все под контролем, и хватит переживать

– Ух, не знаю, не знаю

– Зато я знаю, мне нужен партнер, с кем я буду танцевать на конкурсе и им будешь ты, и костюм там отличный, не бойся все закрыто, прям как будто для тебя шили – девочки обе смеются.

Заходят в здание, прошли по коридору, Наташа открывает дверь в зал:

– Заходи, я сейчас сбегаяю к Екатерине Валерьевне, скажу, что мы пришли.

Мадина заходит в зал, осматривает зеркала, с трепетом трогает станок, начинает потихоньку танцевать, начинает вспоминать: сначала свой танец с Муслимом, потом то, что было на уроке иностранного языка, затем, как она дала колечко. Садится в уголок, обхватив ноги руками, плачет. Перед глазами уже знакомые зрителям сцены:

– Ты что, забыла, она же чеченка, кошелек не оставляй...

– Я стану летчиком-истребителем и расстреляю всех чеченцев...

– А ты стрелять умеешь?

Заходит Наташа, подбегает к Мадине:

– Ты чего? Что случилось?

– Почему так происходит, за что?

– Что «за что»?

– Почему они так со мной?

– Кто? За что?

– Ты танцуешь? А я? Что я, я плохого сделала? Я же никому не желаю зла.

– Я знаю, знаю, – подруга обнимает Мадину, – тише, тише.

Мадина успокаивается, приходит в себя

– Пошли, лицо помоешь, не будем Екатерину Валерьевну пугать.

– Спасибо тебе, Наташа, извини меня ладно? Не знаю, что-то зашла сюда, сразу эти воспоминания нахлынули.

– Нет времени плакать, надо заниматься, конкурс не за горами.

Показывают репетицию танцев. Счастливое лицо Мадины.

Эпизод № 35.

14 февраля. Школьный буфет. На стене плакат: «С Днем Святого Валентина!»

Мадина с девочками рассматривает свои «валентинки», смеются.

В столовой подходит одноклассник, школьный ди-джей, к Мадине.

– Приветик, Мадина.

– Привет, Андрей.

– Мадина, мне надо с тобой поговорить.

– Говори, я слушаю.

– Мадина, ммм... знаешь, что я хотел узнать, ты это...эээ...

– Что? – Мадина не поймет, о чем парень говорит.

– Ты придешь сегодня на вечеринку?

– Нет, конечно, ты же знаешь, я на таких мероприятиях не могу быть

– Мадина, я хотел тебе предложить... ааа... может, будем встречаться? – парень решил и на одном дыхании сказал о своем предложении, Мадина в шоке, даже и не знает, как ей себя вести, – ты мне давно нравишься.

– Андрей, ты что! Нет, конечно, ты что?? Мне нельзя!

– Почему нельзя? Тебе вечно все нельзя! Просто признай, что я не нравлюсь тебе – и все! Не надо ничего придумывать!

– Ну почему ты так говоришь, мне серьезно нельзя встречаться с парнями другой национальности!

– А если влюбишься?

– Я уже люблю, – Мадина на мгновение вспоминает сцену с Муслимом.

– Не, действительно, если бы ты влюбилась в русского парня, что тогда? Ты бы не соблюдала все эти ваши причуды!

– Андрей, нет никаких причуд, я выросла с этими понятиями, я их впитала, и не будет никаких «а если бы...». Ты ж понимаешь: все эти традиции не мной придуманы, и не мне их отменять...

– Блиин, надеюсь ваши парни ценят вас!

– Надеюсь... – тут Мадина вспоминает про Аню, одноклассницу, влюбленную в Андрея.

– Андрей, почему ты не обращаешь внимания на Аню, она такая красивая, хорошая девочка.

– Она хорошая?? Да посмотри, как она одевается, я, конечно, не чеченец, но мне тоже хочется, чтоб моя девушка была поскромнее.

– Так она так одевается ради тебя, чтоб ты обратил на нее внимание, ты только скажи ей, что тебе этот стиль не нравится, и она все сделает.

– Думаешь, из-за меня?

– Конечно, думаю, вы будете очень подходить друг другу!

Эпизод № 36

Наташа:

– Давай сегодня у меня будем вместе готовиться к контрольной?

Девочки занимаются, мама приготовила покушать и зовет их, на кухне включен телевизор, начинаются новости: «Чеченские террористы захватили заложников...»

Мама девочки говорит:

– Вот эти чеченцы, прольют кровь, глазом не моргнут, надо же, какой жестокий народ.

Мадина останавливается, стул, за который она уже взялась, не двигает с места, даже задвигает поглубже.

Дочка вспыхивает, делает жест рукой маме, дескать: тихо! тихо!

Мадина делает шаг к двери, и говорит:

– Я не хочу кушать! Я пойду!

Выходит из кухни.

Мама вслед:

– Мадина, погоди, садись, ты куда?

Дочери: Наташа, что такое, садитесь, ешьте!

Дочь:

– Мадина! Смотри! Смотри, что показывают! Иди сюда!

Но Мадина уже в прихожей, одевается. Подруга выбегает за ней. Мадина решительно открывает дверь и, отводя рукой подругу, выходит.

Мать в растерянности. Дочь:

– Мама, зачем ты так? Она же чеченка. Ты забыла?

Мать в смущении. Отец:

– В самом деле, какая бестактность!

Эпизод №37

На следующий день в школе к Мадине подходит Наташа.

– Мадина, мама попросила за нее извиниться, она как-то не подумав сказала.

– Да знаешь, я уже начинаю к этому привыкать.

– Мадина, прости, надеюсь, это не помешает нашей дружбе?

– Наташа, все в порядке, я не обижаюсь на твою маму, я даже понимаю ее, нас по телевизору такими показывают, и не удивительно, что она так сказала.

– Просто ты так убежала, я подумала ну все, кранты нашей дружбе!

– Ну конечно, знаешь, как обидно все равно бывает, когда всем чеченцам такое обвинение предъявляют.

– Она уже на всю жизнь запомнила, что так нельзя думать, говорить.

Мадина улыбается.

– Это хорошо, все ладно, забыли вчерашнее, ОК?

– Хм, конечно, ОК!

– Ну что сегодня, новые движения будем учить?

– Да надо, времени все меньше и меньше.

Воспоминания героини 13.

– В этот день мы готовились к приезду родственников и почему-то очень волновались. Мы столько времени не виделись. Они за войну никуда не выезжали. Хотелось принять их как можно лучше.

Эпизод №38

Вечер. Дома на кануне приезда родственников.

Мама:

– Завтра у нас день приятный, в 12.30 – поезд, вагон 5-й

– Ма, а я могу с вами пойти? – говорит Мадина

– И я хочу встретить, – говорит Амина

– Если с уроков успеешь, конечно, можно.

Отец:

– Нина звонила, с ними приедет Ибрагим.

– Классно! Я так по нему соскучилась! – Мадина.

– Бедный, настрадался он у нас, – говорит мама.

– Да, в таком возрасте лишиться отца и матери – тяжело.

– А каково ему было видеть все это: ведь это у него на глазах: и сестра, и отец! О брате столько времени ничего не знать!

– Так и до сих пор ничего не известно, да, мам?

– Да, бедняжка Малика так тосковала, что не выдержала этого.

– Да, она спустя полгода умерла, да, мама?

– Да, теперь он совсем один. Была семья, отец, мать, сестра. Вот что война делает.

Иман вздыхает:

– Вот судьба у него. Только бы не отчаялся, не ожесточился.

– Вот вам и нужно подумать, как его встретить, чтобы он душой отдохнул, чтобы понял, что он не один. Вы сейчас ему должны стать самыми родными.

Эпизод № 39

Мадина с кузеном выходят из дому.

– Ты вот пройди через этот переулок и там выход прямо на пляж.

– А ты со мной не пойдешь?

– Нет, мне обязательно сегодня на репетиции надо быть. Конкурс скоро.

– Да, ты, что и здесь танцуешь?

– Да, ну давай, я скоро, я за тобой на пляж зайду, ты ведь никуда не пойдешь?

– Нет, хочется у моря посидеть.

На пляже – заход солнца. Ибрагим сидит в одиночестве, на голове капюшон, положив голову на колени, затем кидает камешки в море. Фон – песня группы Баста «Мама».

После репетиции Мадина заходит за братом на пляж.

– Мадина, ты что, с русскими танцуешь?

– Да.

– Совсем с ума сошла?

– Почему?

– Ты уже забыла, кто они? Ты забыла, что они с нами делали? Забыла про Мурада, Мансура? А Милану? Бедную Милашку? Моих, наших родителей? Что им пришлось пережить? Как мы жили в подвале? Неужели несколько лет в России, и ты обо всем забыла?

Несколько минут ребята молчат.

– Мадина, я, если честно, очень удивлен, ты у нас всегда не по годам рассуждала, была умная девочка. Что с тобой сейчас случилось, я тебя не узнаю, сестренка.

– Та-а-а-к... Ибрагим, ну что ты такое говоришь?

Опять долгая пауза.

– Братишка, я все помню, этот ужас не выбросишь из памяти, даже если я очень захочу. Только не пойму, какое отношение это имеет к войне, ты же помнишь, я всегда любила танцевать, и папа мне разрешил ходить на танцы, пока школу не закончу.

– Одно дело, когда ты танцуешь в «Вайнахе», и совсем другое с ними, с русскими.

– Я не во всех танцах участвую, а только в тех, в которых можно, костюмы все нормальные, я тебя не пойму, Ибрагим, ты мне не доверяешь? Ты ведь знаешь, я бы с удовольствием ходила на наши национальные танцы, но ими тут никто не занимается.

– Да нет, я знаю, ты себе лишнего не позволишь хоть в танцах, хоть в жизни, мне не понятно другое: как ты можешь танцевать и дружить с этими русскими, они же изверги.

– Они изверги?? А здесь нас считают извергами. Ты не помнишь эти пленки, которые родителям пленных отсылали? Все эти пальцы отстреленные, эти казни!

Он молча отворачивается, берет камень и с силой бросает его в воду, разворачивается и идет с пляжа. Мадина догоняет его. Разговор продолжается по пути домой.

– Когда мы приехали, нас не любили, да и мы сами не любили русских, у нас в душе таилась эта ненависть, после всего, что было. Спасибо папе, без него мы до сих пор, наверное, не поняли бы истины. Это он нам открывал глаза, он объяснял: только добро может обернуться добром. А злые чувства к злу и приведут.

– Вот видишь, тебе отец помог, а у меня ни отца, ни матери нет, и отняли их русские! Какое добро?

– А я вот стала здесь жить, сама все вижу. Этим людям не нужна война, нам многие помогали – а многие злились, не доверяли, знаешь, как трудно было!

– А что ж ты так быстро с ними побраталась? Танцы их танцуешь! Хороводы еще води!

– Да не собираюсь я ни с кем брататься. Просто я поняла, что вражда – не путь! Не доказывать надо, что мы хорошие, не убеждать словами, а делать. Отец говорил «словами

не стоит, вас послушают, но, может, не услышат, показывайте свой внутренний мир, покажите, кто мы на самом деле, наши истинные, красивые чеченские традиции и увидите, как их мнение о чеченцах изменится. Вы начнете сами лучше понимать их, увидите, что в России тоже богатая культура...»

– Вот не надо мне мораль читать, ладно? Я никогда не забуду, как эти русские убили моих родителей, братьев, сестру!

– Их убили сволочи, у них нет национальности.

– Ой, вот не начинай, опять ты за свое!!

Ребята входят в подъезд.

Мадина резко хватается руку Ибрагима:

– Пошли со мной.

– Куда?

– Пойдем! Пойдем!

Поднимаются к себе на этаж, но стучатся не в свою, а в соседнюю квартиру, открывает соседка.

– Вера Николаевна, а кто Вы по национальности?

– Я русская, – в замешательстве бабушка.

– Тогда скажите, пожалуйста, вы убивали, вы желаете зла чеченцам?

– Боже упаси, детка, ты что, нет, конечно! Я не делю людей по национальностям, для меня вообще есть только две национальности: хорошие люди и плохие.

– А вот мой брат считает, что русские только... мм-м... не знаю, как ему все объяснить, он думает...он считает...нет... Вера Николаевна, скажите, пожалуйста, почему Вы спасли жизнь нашей малютке? Зачем вы нам помогаете, всегда готовы на помощь? Столько добра нам дарите? Я помню, как вы про своего сына рассказывали, про то как его казнили чеченцы в плену.

– Ты Ибрагим, да? Я правильно поняла?

– Угу, – мальчик опустил голову.

– Мадина много о тебе рассказывала... Ребята, давайте зайдём, я Ибрагима, Мадина, где-то и понимаю, но хочу тебе объяснить, милочка, как ты глубоко заблуждаешься, и ты не один такой.

Все заходят в дом, соседка продолжает.

– У тебя конечно, боль в сердце, но знаешь, эта война и у меня отняла сына. Как я его ждала! Как я его искала! Война – это всегда горе. А мы давай о войне забывать!

– Да не могу я! У меня брат, понимаете?!

– Не калечь свою душу! Не добавляй беды...

Бабуля характерной ей ласковой манере пригласила гостей к чаю, Ибрагим хотел, было отказаться и уйти, но Вера Николаевна его остановила:

– Сынок, может все-таки, попробуешь мои пирожки, я так старалась, пекла их для вас, я ведь надеялась, что вы зайдете.

– Давай останемся ненадолго, – Мадина настаивает.

Ибрагим неохотно соглашается попить чай.

– Ну-ка, попробуй мои фирменные пирожки.

Парень жует и улыбается.

– Вкусно! Спасибо.

– А меня Лиза по четвергам часто чепалгашами угощает – ка-а-к мне нравится. Ну ведь не спорить же: что лучше – что вкуснее! Пусть пирожки остаются пирожками, а чепалгаш – чепалгашами. Будем учиться друг у друга! Будет всем вкуснее! И даже теплее! Так ведь?! Так?! – приобнимает юношу, – Отогревай свое сердечко! Поверь мне: обида только множит обиды! Прости ты этих нехристей!

{Сцена угощения без слов}

Эпизод №40

Мама и Мадина готовят на кухне.

– Мадина, мне опять звонила мать Рустама, семья хорошая, я узнавала парень хороший. Может, все-таки пообщаешься?

– Мама, ты же знаешь, из этого ничего не получится, зачем ему зря давать надежду?

– Ну почему не получится? Мадина, так тоже нельзя... пора тебе уже и выбрать, ты ж не можешь всем подряд отказывать.

– Мамочка, ты же знаешь, я свой выбор уже сделала.

– Ну и где он? Мы же столько лет о нем ничего не знаем.

Мадина молчит, печально смотрит в окно.

– Девочка моя, пойми была война, мы же не знаем, что с ним случилось... с тех пор столько времени прошло, ты должна свою жизнь устраивать.

– Ма, я знаю, он жив...

Мать к девочке, обнимает ее, Мадина начинает плакать.

– Ма, что мне делать? Знаешь, я его и в Интернете искала. Ну где он? С ним же ничего не случилось?

– Все будет хорошо, милая, все будет хорошо – успокаивает мама, – Раз ты веришь, что он жив, – жди!

Вечером отец спрашивает у мамы.

– Ну что же наша Мадина? Она согласилась с Рустамом познакомиться?

– Нет, ни о ком слышать не хочет: «Я обещала, я буду ждать Муслима».

– Молодец, девочка. Вот только не дожидаться ей.

Молчание.

– А слышно что-нибудь о нем?

– О ком?

– Ну о Муслиме, конечно.

– Нет, никто ничего не знает. Вот уже больше бти лет как в воду канул. Да и мы-то давно встречались со знакомыми. Может быть, кто-то и знает о нем что.

Эпизод №41

Родители вместе с гостями приехали в Грозный. Город еще руинах, улицы перекопаны, везде идет ремонт. Кое-где видны стрелы строительных кранов.

Две матери, Муслима и Мадины, встречаются случайно на улице. Женщины окликают друг друга, обнимаются.

– Здравствуй, Ася! Ну что вы? Как? Где? Так часто мы вас вспоминаем.

– Здравствуй, Лиза. Как твои дети? Все живы-здоровы?

– Да, наши дети с нами. Старшие две уже замужем. Все у них хорошо. Вы как? Муслим что? Нашелся? Здоров?

Мама Муслима кивает головой, вытирает выступившие слезы концами платка на голове. Молчит, плачет.

Лиза обнимает ее.

– Значит, Мадина замуж вышла?

– Нет! А Муслим как?

– Да летом позапрошлого года нашли, его тогда при зачистках забрали. Долго ничего о нем не знала, когда нашла, тяжело ранен был.

– Что с ним? Как он?

– Дома теперь. В госпитале почти полгода провел. Теперь инвалид, на коляске.

Женщина опять плачет. Лиза молча кивает головой.

– А Мадина помнит его, встречи ждет.

– Да, оттанцевал свое парень. Очень тяжело ему, грустит часто. Дела себе ищет. Беда мне с ним!

- А где вы живете? Дом ваш цел?
- Да, слава Богу, мы на месте.
- Вот Мадина обрадуется, я ей весточку привезу.
- Не надо, Лиза. Зачем детей мучить?
- Ну это не нам решать. Они, по-моему, любят друг друга. Мы должны помочь им встретиться. А там пусть все будет как будет.
- Врачи говорят: есть один шанс из двадцати – а там все от лечения зависит. Может, Бог даст, встанет.
- Да, конечно, надо верить, надо надеяться. А Мадина только его ждет. Уж сколько ребят было – никто, говорит, мне не нужен, кроме Муслима.
- Да?? Моя девочка! А знаешь, Лиза, я тебе признаюсь: Муслим ведь не опустил руки, не хочет себя считать инвалидом, работает. И даже нас всех поддерживает, считай – главный кормилец в семье.
- Да? А чем же занят?
- Он предприниматель. У него получается.
- Ах, какой парень, он мне всегда нравился. Молодчина!

Эпизод №42

Праздник в Доме Культуры. Гала-концерт, финал танцевального конкурса «Звезда танца». Открытие.

Со сцены ведущий объявляет:

– На нашем конкурсе в качестве почетного гостя и нашего самого строгого судьи присутствует Анна Антоновна Селезнева, народная артистка России, Президент Академии народного танца, бессменный руководитель ансамбля «Адреналин»!

На сцене – танец, в котором участвуют Наташа и Мадина.

После выступления девочки за кулисами разговаривают.

Мадина:

– Наташа, спасибо тебе за все. Ты мне этими танцами подарила новый мир, новые ощущения. Я всю жизнь буду их помнить.

– Да ладно, я рада, что у меня получилось украсить твою жизнь, отойти тебе от всего пережитого.

Девочки обнимаются. В это время подходит Е.В. с Селезневой А.А., та, обращаясь к Е.В., говорит:

– Мне понравились обе девочки, если будете продолжать танцевать в том же духе, жду вас в следующем году в своей Академии – Е.В. с Наташей стоят, застыв в изумлении. – И еще:

думаю, вы сразу параллельно сможете участвовать в моем проекте и танцевать в группе с моими ребятами.

Наташа ликует, Мадина тихо, извиняясь, говорит:

– Спасибо большое! Такое предложение для меня – честь, но я должна отказаться. Мне разрешили ходить на танцы до окончания школы. Но все равно я Вам благодарна.

Все участники вышли на поклон, Мадина замечает парня, отъезжающего в инвалидной коляске, говорит Наташе:

– Если я с ума не сошла, это он!

– Где?

– Вон там, отъезжает на коляске.

– О Боже, он же без ног!

– У него есть ноги!

– Что ты стоишь, беги за ним, сейчас уйдет!

Мадина бежит за кулисы, повторяет себе: «У него есть ноги, мы с ним вылечимся, он сможет ходить! Главное – он жив!!» Мадина выбегает на улицу, Муслим уже в машине, они встречаются взглядами, смотрят друг другу в глаза, и он резко уезжает. Мадина в смятении...

Эпизод №43

Семинар известной торговой марки, зал заполнен людьми, стоят в проходе. На сцене – Муслим в инвалидной коляске.

Ведущая объявляет:

– А сейчас перед вами выступит человек непростой судьбы, сумевший преодолеть немалые трудности, но достичь высоких показателей в нашей работе. Слово Муслиму Тимирханову!

– Я вспоминаю начало моего пути. Непросто было найти себя в моем положении.

Знаете, каково танцору оказаться в инвалидной коляске? Это страшно. Я думал, что жизнь моя окончена. Но в войну я потерял отца, и я не мог себе позволить опускать руки. Я не мог оставить одних маму и сестру. Я должен был о них заботиться, это мой долг. И вот ради них я должен был что-то предпринять. Но что? Я не знал. Я не знал, чем мне заняться. Как кормить семью. Да и чем я мог заниматься, находясь в инвалидной коляске, в наше время, когда даже здоровому человеку сложно найти работу. Я просил Бога помочь мне. Я очень Его об этом просил. Я не мог позволить себе впасть в уныние, я не мог позволить себе быть слабым. И вот Бог мне помог. Я получил возможность познакомиться с этим бизнесом. Знаете, я сразу понял, что это То! Но... было трудно преодолеть свои комплексы, да-да, именно комплексы. Их было очень много. Это было не просто, но у меня была мотивация, цель. И было еще одно, что поддерживало меня, вело к цели. Это память о любимой девушке. Нет, я не мечтал, что она будет меня любить. Об

этом я запретил себе думать. Но я мечтал быть достойным ее, ее любви. Я должен был стать таким человеком, которого любят не из жалости, а из-за уважения. Только такая любовь достойна мужчины. И это самоуважение стало мне опорой в борьбе за самого себя. И вот – реальный успех.

Я хочу поблагодарить всех тех, кто был рядом со мной на этом пути. И тех, кто дал мне в первый раз диски с записью подобного семинара, и тех, кто поддерживал меня, покупая продукцию. Без помощи многих и многих людей у меня вряд ли что-нибудь получилось бы. Но главное, что я вынес из своего опыта: надо трудиться, надо верить, надо надеяться.

Камера проходит по залу, крупным планом берет то одно, то другое лицо. Люди слушают с доброжелательным вниманием. Вдруг среди слушателей – Мадина и Амина.

Мадина прижимает ладони к губам, готова заплакать, Амина радостно улыбается, обнимает сестру.

Когда выступление закончено и Муслим съезжает в зал, девушки пробираются к нему.

Амина:

– Я сразу тебя узнала, ты молодчина, я много о тебе слышала, мне рассказывали про парня, который поставил дело очень успешно, а сам – ... Ну вот, теперь я понимаю, что это ты. Я горжусь, что такой сильный человек – наш друг.

Мадина:

– Поздравляю тебя, ты здорово выступил. И работаешь хорошо. Я тоже тобой горжусь.

Муслиму приятны слова девочек, он улыбается, но чувствуется, что он с ними говорит мимоходом, собирается ехать дальше.

Амина:

– Значит, Мадина не ошиблась, это тебя она видела на концерте. Ты как здесь? Проездом? Или отдыхаешь у нас?

– Я на семинар приехал, ну и хотел бы на несколько дней остановиться в санатории, подлечиться.

– А завтра ты будешь? Завтра мое выступление, я так волнуюсь. Приходи, пожалуйста.

Мадина:

– В каком санатории?

– Здесь недалеко.

– Я так рада тебя видеть. Рада, что у тебя все хорошо. Я тогда увидела тебя со сцены, не сразу поняла, что это ты. Столько лет прошло. Господи, как я рада! Я пыталась тебя догнать, но ты так быстро уехал.

В этот момент Амина незаметно отходит в сторону. А Мадина замечает на мизинце Муслима свое колечко, повернутое камешком внутрь. Камера берет крупным планом руки парня.

– Ты не потерял мое колечко? Ты все помнишь?

- Извини, я спешу.
- Подожди, ты опять исчезнешь. Я боюсь этого. Давай поговорим.
- Прости, Мадина, у нас разные судьбы. Это когда-то мы танцевали вместе, а теперь: ты по-прежнему танцуешь, а я – сама видишь.
- Нет, это все не то. Это ничего не меняет! Ты ждешь другую девушку? Ты не свободен? Ты дал слово? Или влюбился?
- Да нет же, нет!!
- Я тебе больше не нравлюсь?
- Нравишься ты мне, я только о тебе мечтал! Ну как ты не понимаешь?
- Тогда что? Что не так? Скажи, я пойму!
- Не понимаешь ты ничего! И не поймешь никогда! Все! Хватит!

Он резко поворачивает коляску и уезжает. Она стоит, опустив руки. Потом, словно обессиленный, садится, просто опускается вниз.

Эпизод №44

Второй день семинара.

Тот же зал. На сцене – Амина. В зале – Мадина и Муслим рядом. Амина очень волнуется, что заметно из зала. Муслим:

- Да, мне было легче. У меня был талисман, твое колечко.
- Ты веришь в его силу?
- Оно меня столько раз выручало.

Мадина благодарно улыбается.

Выступление Амина прерывается аплодисментами.

Мадина:

- Да, наша Амина молодец. Ей нелегко пришлось, она много работала. Представляю, каково тебе было, если это и для здорового человека трудно.
- Да, мне тоже пришлось... Особенно плохо мне было без тебя, когда я запретил себе даже мечтать о встрече.
- Почему? Муслим, почему? Ты не веришь в мою дружбу, в мою преданность?
- Нет, в тебя я верю, я тебя очень ценю.
- Тогда почему? Почему ты мне отказываешь в праве на счастье?
- Ты еще молодая. Сама не знаешь своего счастья.
- Но я ведь слово тебе дала!

– Вот в том-то и дело. Не могу я пользоваться тем, что когда-то в детстве ты обещала ждать меня. Обстоятельства изменились. Ты свободна.

– Нет, Муслим! Нет!! Не хочу я этой свободы...

Муслим снимает колечко с пальца и пытается отдать его Мадине. Она не берет. Колечко падает со звоном и катится вниз. И здесь Муслим с силой толкает коляску и нагоняет колечко, ловко подхватывает его с пола и говорит, улыбаясь:

– Или знаешь, что? Оставь его мне? А? как память... обо всем лучшем, что было в моей жизни.

Закрывает ладонь с колечком.

Мадина плачет.

– Обидел ты меня!

– Нет, моя хорошая. Не обижайся. Так будет лучше. Я потерял право на тебя. Понимаешь: я, мужчина, обязан сделать любимую счастливой или отказаться от тебя. А ведь понятно: какое счастье с инвалидом?! Прости меня за разрушенную мечту и прощай!

Он разворачивается и уезжает.

Мадина остается одна в зале и дает волю слезам.

Эпизод №45

Дома. Мадина разговаривает с Аминой.

– Он злится и гонит меня! Я чувствую, что я просто навязываюсь ему. Я так тоже не хочу. Не знаю, что делать!!

– В таком деле уступить должен тот, кто сильнее, кому лучше. Значит, ты.

– Да почему мне лучше-то? Я столько ждала! Я всем отказывала! Все о нем мечтала. А теперь что?

– А теперь нашла! Вот и делай как надо.

– А как надо? Унижаться? Я не хочу.

– Так ты о себе думаешь или о нем? Мне мама говорила, что Ася сказала, будто врачи говорят: ему радость нужна, чтобы он жизнь любил, жить хотел – тогда начнет ходить!

– Наверное, начнет. Только не для меня.

Эпизод №46

Здание санатория. Разговор с врачом.

– Ну... это дело деликатное. Я здесь не советчик.

– Я понимаю, что он обузой мне стать боится. Вот и отталкивает меня.

– Возможно. Жертвы от вас не хочет. Хороший парень. Думает: его жизнь загублена, так зачем еще одну губить?

– И вы о том же! Да какая жертва? Счастье это... и радость! А не жертва.

– Вот и докажите ему это, чтобы он счастье ваше видел, а не терпение.

Мадина (приостанавливает врача, который уже открывал дверь, чтобы уйти):

– Доктор! А он, правда, может встать?

Доктор долго и внимательно смотрит на девушку и ничего не отвечает на ее вопрос. Потом, уже закрывая дверь, говорит:

– Вот вы, женщины, какие!

Эпизод №47

Весна в больничном парке. По дорожке катит инвалидную коляску медсестра. Навстречу идет героиня.

– Привет!

– Привет!

Медсестре:

– Можно я? – коляска катится дальше и дальше.

Издали. Девушка останавливает коляску и пытается, подпрыгивая, сорвать гроздь акации. Не может дотянуться. Оба смеются. (Камера все ближе и ближе). Наконец, она коснулась, но в пальцах осталось только несколько соцветий. Она подносит их к его лицу. Он вдыхает и блаженно улыбается. (Крупный план).

Показывается тетрадь в кожаном переплете. Голос мужчины за кадром.

– А что там дальше написано?

– С тех самых пор, как я тебя снова нашла, я не делала записей. Мне уже было не до летописей.

Теперь камере берет крупным планом собеседника, того кому она рассказывала историю своей жизни.

– Жалко, столько событий пропустила.

– Ничего, я еще успею записать. У нас вся жизнь впереди.

В комнату вбегают маленькие детки, мальчик с девочкой. Девочка:

– Папа, он жука раздавил.

Девочка бежит к маме (Мадине), мальчик – к отцу (Муслиму).